

№2
Февраль 2018

ТУССКИЙ КЛУБ

100

ДОЛГИЕ ЛЕТА,
АЛЬМА-МАТЕР!

Стр. 6

Мир без преград

*Банк ВТБ – Генеральный спонсор
Московского Международного
Кинофестиваля*

8 (800) 200–77–99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE
ГУЛБАТ ТОРАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2⁽¹⁴⁹⁾
Февраль 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ДОЛГИЕ ЛЕТА, АЛЬМА-МАТЕР!
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 10 ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ ВЫСОЦКИЙ!
- 14 «Я БРАТ ТВОЙ» – ЭТИ СЛОВА СКАЗАЛ НЕ Я
ЮРИЙ РОСТ
- 15 СВОЯ СРЕДА
ИННА БЕРИДZE
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 26 ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
- 30 АНАТОЛИЙ КАЧАРАВА – РЫЦАРЬ МОРСКИХ ПРОСТОРОВ
ЛЕВАН ДОЛИДZE
- 34 НАСЛЕДИЕ ИГОРЯ БОГОМОЛОВА
МАРИЯ ФИЛИНА
- 39 «Я НИКОГО НЕ ХОЧУ УДИВЛЯТЬ. ХОЧУ ДЕЛИТЬСЯ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 44 БУДЕМ РАБОТАТЬ!
- 45 ХУДОЖНИК И ВЕЧНОСТЬ
- 46 ПРИНЕСЕННЫЙ БЕЛОЙ КОМЕТОЙ
АНЗОР ГВЕЛЕСИАНИ
- 50 ГУЛЯЕМ МАСЛЕНИЦУ!
ГЕОРГИЙ БАРХО
- 51 ДРУЖБА НА ВСЮ ЖИЗНЬ
БЕРТА ИВАНИЦКАЯ

На обложке – Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили
Фото Александра Сватикова

от ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

УТОПИЯ СО СТУКАЧАМИ И БЕЗ

Как его только не называли – выдающимся английским философом, видным политиком, консервативным религиозным публицистом, бросившим вызов самому Лютеру, писателем-фантастом, написавшим знаменитую «Утопию», жертвой произвола эксцентричного и жестокого короля Генриха VIII. А еще его называли «Человеком на все времена» и он был дружен с Эразмом Роттердамским. Самому блистательному интеллектуалу своего времени Томасу Морю исполняется 540 лет со дня рождения. Он родился 7 февраля в семье принципиального и кристально честного лондонского судьи – члена Высшего королевского суда и, подобно отцу, избрал карьеру адвоката. Но, судя по всему, юристом он быть не хотел и избрал дипломатическую, политическую и публицистическую деятельность. «Живость характера и остроумие» помогли ему сделать выбор в пользу служения государству, а не церкви. Мор был избран в Парламент, где даже выступал против налоговой политики короля Генриха VIII. За это мстительный король отправил в тюрьму отца строп-

тивного молодого политика. Свобода несчастного старого судьи была куплена ценой большого выкупа и отстранением Томаса от политической жизни. Но после смерти короля Мор снова вернулся в политику, стал близким соратником и другом молодого монарха, дослужившись до титула лорда-канцлера – высшего государственного поста. Кстати, Томас Мор стал первым выходцем из буржуазной среды, поднявшимся на такую недосягаемую высоту. Но дружба и расположение монарха не стали гарантией безопасности. Трудно и опасно быть принципиальным и при этом высоким царедворцем. Когда любвеобильный Генрих вознамерился развестись с законной супругой и жениться на молодой Анне Болейн, Томас отказался ему в этом способствовать, заявив, что развести может только Папа Римский. Мало этого, он не пришел на коронацию новой королевы и отказался принести присягу ей и детям короля, которые могли появиться в этом браке. Генрих этого перенести не мог. Мора арестовали и обезглавили в Тауэре. Хотя, по слухам, король и давал понять бывшему другу, чтобы он вовремя убежал из страны. Мор был человеком гордым и твердым. Грустно закончилась эта история. В памяти человечества Томас Мор остался автором «Утопии» – потрясающего памятника мысли XVI века. Мор многое предсказал верно. Но неприятно представить гипотетическую жизнь в ячейках-коммунах на 20-40 человек, за малейшую провинность становясь рабом и всю жизнь бояться «людей праведности», то есть стукачей. Иного будущего выдающийся мыслитель представить себе попросту не мог.

А НАЧИНАЛОСЬ ВСЕ В ТБИЛИСИ

Да, это действительно так – великий певец-бас, гениальный артист и первый Народный артист Советского Союза Федор Иванович Шаляпин начал свою умопомрачительную сценическую мировую карьеру именно в прекрасном Тифлисе. Здесь его впервые постигла настоящая слава, его узнавали

на улицах, просили автографы, приглашали в гости, в его честь устраивали банкеты. А поначалу приезд рослого красивого парня – уроженца Казани с вульгарной опереточной труппой никто не заметил. Антрепренер через несколько дней бросил артистов и сбежал, а голодный Федор ходил по базару среди фруктов изобилия и думал о самоубийстве. Спасла его случайная встреча – знакомый певец по фамилии Понти, с кем несколько раз сводила судьба на гастролях по провинциальным городам России. Актерская солидарность и тогда была присуща людям сцены – он привел парня домой, накормил, приютил и представил известному преподавателю пения, бывшему артисту императорских театров Усатову. Тот неохотно прослушал Федора, но потом ахнул и приказал немедленно занять комнату наверху, сказав, что будет учить его без денег и на полном обеспечении. А через несколько месяцев Шаляпин вышел на сцену Тифлисского оперного театра в «Аиде» в роли жреца Рамфиса. Он взял первую ноту так, что перекрыл оркестр и зазвенели подвески огромной хрустальной люстры. Зал замер, а потом раздался гром аплодисментов. Его буквально вынесли на руках, а директор сразу предложил выгодный контракт. Потом были императорские театры и частные труппы, «Ла Скала» в Милане и Гранд-опера в Париже, бесчисленные оперные партии и роскошные театральные постановки, высокие гонорары и огромные тиражи грампластинок, съемки в фильмах. Его называли Царь-бас и он был известен на весь мир. Хороших певцов было немало, но Шаляпин был один! Он был не просто певцом, но и гениальным артистом. Его трактовки образов перевернули представление о

традиционных оперных ролях. На время его жизни пришлось глобальнейшие исторические перемены. Он прожил бурную жизнь. Знал богатство и успех, революции и эмиграцию. Однако сам Шаляпин впоследствии говорил, что певцом он состоялся все-таки в нашем Тифлисе. 13 февраля исполняется 145 лет со дня его рождения.

«ИМЕЕШЬ ОДНО – БУДЕШЬ ИМЕТЬ ДРУГОЕ»

Так говорили люди, перефразируя известную сентенцию одного старинного мудреца. Он был одним из самых выдающихся мыслителей и философом-иррационалистом. Но при этом тяготел к немецкому романтизму, увлекался мистикой, а в его кабинете стояли бюст Канта и статуэтка Будды. Его считали мизантропом, однако охотно цитировали его остроумные максимы. 22 февраля исполняется 230 лет со дня рождения великого Артура Шопенгауэра. Он родился в Данцинге, посещал гимназию для обеспеченных детей, выучил в совершенстве несколько языков, а потом учился на врача в Геттингенском университете. Но позже перешел на философский факультет. Всю свою жизнь он занимался преподаванием и пользовался успехом у студентов, невзирая на свою строгость. Главный труд своей жизни «Мир как воля и представление» был им написан в 1819 году. Именно эта книга принесла Шопенгауэру заветную должность доцента, дававшую достаток и благополучие. Но подлинное признание он получил только через тридцать лет, когда опубликовал свои знаменитые «Афоризмы житейской мудрости». Ими зачитывались Ницше, Толстой, Зигмунд Фрейд и другие выдающиеся мыслители

XIX и XX века. Читают афоризмы и сейчас. Там в доступной и забавной форме излагаются мудрые мысли. Судите сами: «Средний человек озабочен тем, как бы ему убить время, человек же талантливый стремится его использовать», «Богатство подобно соленой воде, чем больше ее пить, тем сильнее жажда. Это относится и к славе».

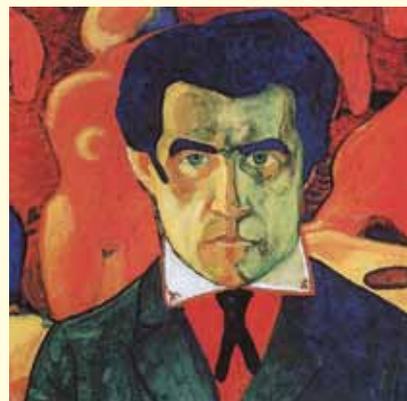
ЮБИЛЕЙ РАМАЗА ЧХИКВАДЗЕ

В феврале исполнилось бы 90 лет выдающемуся грузинскому артисту театра и кино Рамазу Григорьевичу Чхиквадзе. Он сыграл десятки блестящих ролей. Был признан на родине и любим публикой. Народный артист Грузинской ССР и Советского Союза Рамаз Григорьевич был удостоен звания Героя Социалистического труда. Он был лауреатом государственных премий, кавалером орденов. Но эти официальные награды и титулы лишь отражение его незабываемой игры! Его Ричард, Мекки-нож, король Лир и, конечно же, Аздак из легендарного «Кавказского мелового круга» Брехта в постановке Роберта Стурау гениальны. Памятник работы Зураба Церетели достоин великого артиста.

НЕ КВАДРАТОМ ЕДИНЫМ

Его провокационная работа «Черный квадрат» входит в число самых знаменитых произведений изобразительного искусства наряду с Венерой Милосской, Джокондой, статуей Давида и «Ночным дозором» Рембрандта. А изображен на холсте просто квадрат и больше ничего! Правда, по уверениям художников, в черном цвете нет черной краски, но это и неважно – автор всегда был большим оригиналом, вполне мог так «приколоться». Человеку, дале-

кому от живописи, непонятно, как можно всерьез относиться к подобным проявлениям авторского замысла. И многим до сих пор невозможно объяснить, что в начале XX века художники, очевидно, после появления фотографии, отошли от детального изображения природы и портретов людей, а на первый план вывели условность и философский символизм. Вот в чем и заключается тайна «Черного квадрата» выдающегося художника-новатора Казимира Малевича. Это – манифест, декларация, разрушение привычных образов. Молодые ниспровергатели канонов, родившиеся в грандиозное время крушения старого мира среди грома орудий, бесконечных войн и революций, решили, что со «старым искусством» им не по пути. Было создано бесчисленное множество школ и стилей: от авангардизма, дадаизма и футуризма до конструктивизма, экспрессионизма и сюрреализма. Гениальный художник-абстракционист Казимир Северинович Малевич, которому 23 февраля исполняется 140 лет со дня рождения, создал супрематизм, где непосвященный взгляд может увидеть только палочки, прямоугольники, кресты, круги и шпалы. «Да так и мой ребенок нарисует! – говорили простаки. – Разве в этих штуках есть какой-то смысл?» Во-первых, не нарисует, а во-вторых, в этих работах есть и глубокий смысл, и философия, и ничего случайного или лишнего. Это, конечно, живопись, и подозрение, что художник не умеет рисовать, совершенно несправедливо. Умеет, да еще как! Смотрите и увидите, ведь познание искусства – это труд души.

ДОЛГИЕ ЛЕТА, АЛЬМА-МАТЕР!

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

100-летие Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили включено в календарь событий ЮНЕСКО 2018 года. А это означает, что юбилею старейшего на Кавказе вузу присвоен международный статус, и торжества в той или иной форме будут проводиться в течение всего года. Пока идут празднования – не прекращается работа. Все, как обычно. И так – вот уже сто лет. Принцип служения своему народу был заложен в фундамент университета, основанного в эпоху великих потрясений. Датой его рождения является 8 февраля (26 января по старому стилю) 1918 года, он был основан в день поминовения великого царя Давида Агмашенебели.

Первую лекцию в университете прочитал Иванэ Джавахишвили. Тема – «Личность и ее роль в древнегрузинской историко-философской литературе и жизни». Приват-доцент, выпускник Санкт-Петербургского университета Иванэ Джава-

хишвили был одним из самых активных инициаторов создания Тбилисского университета. Хотя еще в XIX веке Илья Чавчавадзе и другие передовые общественные деятели задавались целью основать в Грузии очаг просвещения и культуры. Но только в мае 1917 году было учреждено Общество по основанию Тбилисского университета. Первое его заседание прошло под председательством историка, археолога, политика Эквтиме Такашвили на квартире выдающегося ученого-химика Петре Меликишвили. Данное общество сыграло большую роль в основании первого высшего учебного заведения страны. В числе отцов-основателей были востоковед Георгий Ахвлядиани, историк Шалва Нуцубидзе, психолог Дмитрий Узнадзе, философ Корнелий Кекелидзе и другие ученые. Заметим, что Тбилисский университет был открыт за четыре месяца до провозглашения независимости Грузии. Вступительные экзамены в нем

не проводились, двери нового университета были открыты для особ обоего пола с аттестатом о среднем образовании, без национальных и религиозных ограничений. Десятки молодых людей изъявили желание стать студентами первого и пока единственного философского факультета. Главным источником существования университета в те годы была плата за обучение. 3 сентября 1918 года университет получил государственный статус. Первым ректором был избран Петре Меликишвили. Разместился университет в бывшей Дворянской гимназии на Цхнетской улице, в нарядном здании, построенном в 1906 году архитектором С. Клдиашвили с «дальним прицелом», с учетом планов открытия высшего учебного заведения. В годы Первой мировой войны в гимназии развернули лазарет, здесь завершил свой земной путь Лука Разикашвили, вошедший в мировую культуру под именем Важа Пшавела.

Сразу после основания но-

вый университет стал собирать под свои знамена известных и подающих надежды специалистов. Из Москвы вернулся на родину математик Андрей Размадзе, из Петрограда приехал историк Симон Авалиани, с Северного Кавказа – минеролог Александр Твалчрелидзе, основавший в дальнейшем Кавказский институт минерального сырья. На родине ученых в настоящем ждала напряженная работа, в будущем – высокие звания академиков.

В учебный план первого факультета ТГУ были включены лекции по философии, психологии, языкознанию, словесности, истории и экономике, логике, иностранным языкам. Была заложена основа университетской библиотеки – за счет частных пожертвований удалось получить множество ценных изданий по самым различным областям знания. В настоящее время в университетской библиотеке хранятся около четырех миллионов книг и различных изданий.

Уже осенью 1918 года под началом А. Размадзе был открыт факультет математических и естественных наук. Следующий шаг – медицинский факультет, при создании которого большую роль сыграли А.Н. Натишвили и И.С. Бериташвили. В марте 1919 года кафедру теоретической механики возглавил Н.И. Мухелишвили, в будущем – выдающийся математик и механик, академик АН СССР.

В 1922 году университет обзавелся четырьмя новыми факультетами: агрономическим и политехническим, состоявшем из трех отделений – строительного, механического и горнорудного. Наплыв абитуриентов был настолько велик, что впервые в университете были проведены вступительные экзамены, а также организован рабфак - четырехгодичные подготовительные курсы для рабочей молодежи.

Тот же 1922 год ознаменован первым – поистине «золотым» – выпуском университета

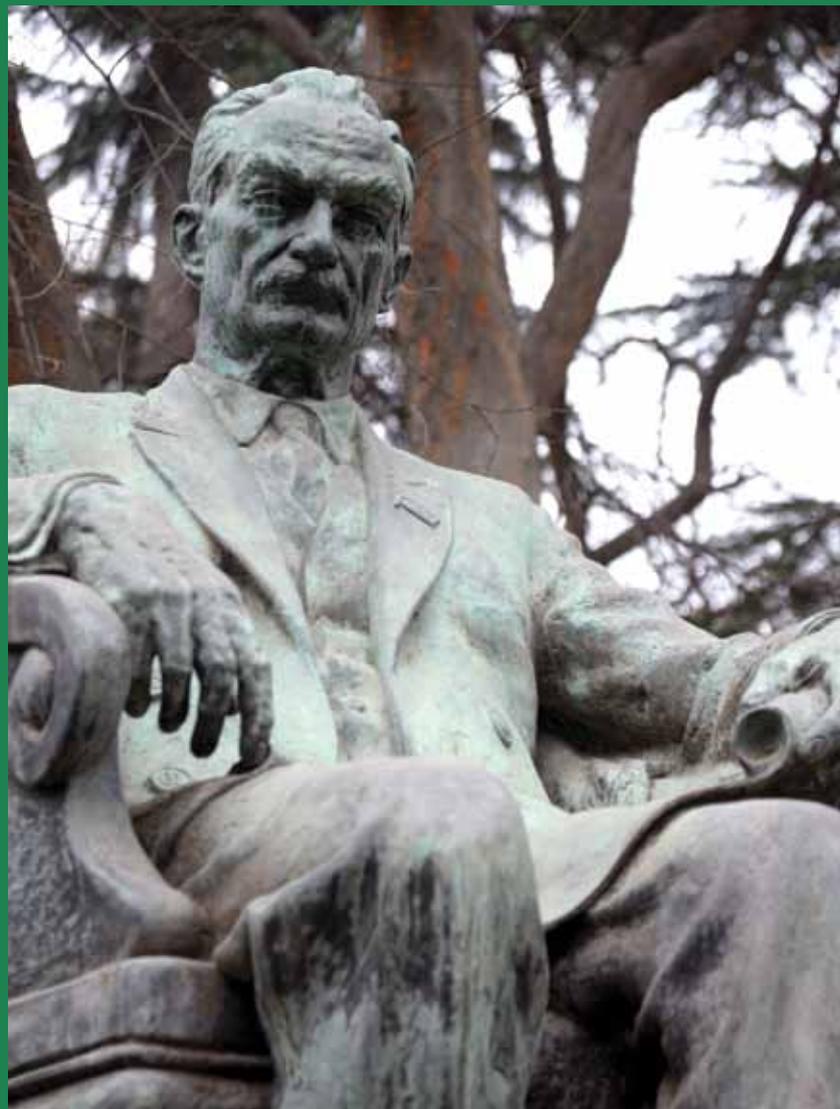
– в числе двадцати восьми дипломированных специалистов значатся имена С. Джанашия, Т. Ломоури, А. Чикобава, В. Топурия, К. Баградзе, И. Сургуладзе, Г. Джакобия, Ш. Амираншвили, – ученых, вписавших весомые страницы в историю грузинской науки.

В 1923 году открылось химико-фармацевтическое отделение под руководством профессора И. Кутателадзе. Был создан университетский музей древностей, в 1924 году открылся кабинет нумизматики, первым заведующим которого стал Т. Ломоури. Посетивший Тбилиси А. Луначарский, который занимал в ту пору пост комиссара народного образования, был впечатлен размахом деятельности в новом вузе. Несмотря на всеобщие трудности,

профессура университета пыталась наладить издание учебных пособий на грузинском языке, выпускались монографии научных исследований привлеченных к преподаванию ученых. В начале двадцатых годов еще было возможно поддерживать связь с университетами Западной Европы. К примеру, в 1925 году Андрей Размадзе защитил докторскую диссертацию в Сорбонне.

Но уже в середине 20-х годов университет оказался под строгим идеологическим пресом властей. В 1925 году в программу обучения был введен обязательный курс марксистско-ленинской философии. Систематически стали проводиться «чистки» преподавательского состава. Карательная машина набирала обороты, за годы

Т. Гвинишвили. П-к Ив. Джавахишвили

Бюст Эkvиме Такаишвили

репрессий университет понес невосполнимые потери. В 1926 году за «немарксистскую» позицию был уволен с должности ректора Иванэ Джавахишвили, избранный в 1919 году. Выдающемуся ученому не могли простить ни княжеского происхождения, ни стажировок в Германии, ни академических трудов, оказавших огромное влияние на грузинскую историческую науку, но идущих вразрез с линией партии. После того, как Иванэ Джавахишвили лишился поста председателя Грузинского историко-этнографического общества, он целиком посвятил себя науке. С 1937 года до конца жизни ученый являлся директором Музея им. Шота Руставели и руководил Мцхетской археологической экспедицией. Джавахишвили скоропостижно скончался в 1940 году, в возрасте 64 лет, неожиданно упав во время чтения лекции в Доме работников искусств. Ученый похоронен в парке университета. Спустя годы ТГУ присвоили имя Иванэ Джавахишвили, его

имя также носит Институт истории АН Грузии.

В начале тридцатых годов на базе отдельных факультетов университета были созданы несколько самостоятельных институтов: политехнический, сельскохозяйственный, медицинский, педагогический институты, несколько позже институт физической культуры. В самом университете же открываются физико-математический факультет, факультеты естественных наук, историко-литературный, экономический, советского строительства и права, рабочий.

Корпус физико-химического факультета, построенный по проекту архитектора М. Шавишвили, был торжественно открыт в 1937 году. Перед началом Великой Отечественной войны возродили философский факультет. ТГУ по численности студентов (9 581 человек) выходит в 1941 году на первое место в СССР.

Поколению сороковых выпала тяжелая доля – воевать. Этим все сказано. Стены университета хранят память о погибших студентах и преподавателях, здесь чтят тех, кто защищал родину в годы Отечественной войны.

Первые три десятилетия истории университета никак не назовешь безоблачными: он пережил советизацию, жернова репрессий, Вторую мировую войну. Но выстоял.

Знаковым событием после победы над фашизмом стало возвращение на родину Эkvиме Такаишвили, крупного ученого и патриота, сохранившего в эмиграции национальные сокровища, вывезенные от большевиков во Францию. До конца жизни Такаишвили занимал должность профессора кафедры истории Грузии, упокоен в пантеоне на Мтацминда, канонизирован грузинской церковью.

Годы студенчества моего поколения совпали с полувековым юбилеем университета.

Это был мощный, но все еще растущий и развивающийся центр науки и образования. Наравне с картвелологией, языкознанием, психологией авторитет заслужили грузинские школы точных наук – математики, физики, механики. В 1964 году появляется в университете факультет кибернетики, совсем недавно запрещенной «буржуазной псевдонауки». Успешно функционировал в виде отделения будущей факультет журналистики, на котором мы учились. Журналисты были «государством в государстве» на филфаке – располагали собственным корпусом, в котором размещались кинозал, фото и кино-лаборатории, практику проходили в центральной прессе в Тбилиси и в Москве. Механизм был запущен и безукоризненно функционировал благодаря основателю факультета профессору Давиду Гамезардашвили. По словам Анатоля Франса, чтобы переваривать знания, надо поглощать их с аппетитом. Все годы учебы у нас был отменный аппетит, а наши преподаватели привили нам уважительное отношение к избранной профессии, чувство ответственности за опубликованное слово.

Звание студента ТГУ ко многому обязывало. Иначе и быть не могло. Скажем, курс «Введение в языкознание» на первом курсе нам читал один из основателей университета – Акакий Шанидзе, который первым в новом вузе защитил докторскую диссертацию 9 мая 1920 года. Разнообразные труды академика посвящены изучению картвельских языков, исследованию и публикации древнегрузинских памятников, диалектологии грузинского языка. Он издал хевсурскую и сванскую поэзию, реконструировал первоначальный текст «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Но в основном лекции нам читала одна из его учениц. Сам же академик представлялся нам библей-

ским старцем. Однако спустя несколько лет Акакий Шанидзе доказал, что есть у него еще порох в пороховницах. В 1978 году, когда готовилась новая редакция Конституции, предполагавшая закрепить только русский язык в качестве государственного, Акакий Шанидзе одним из первых забил в прессе тревогу, встав на защиту грузинского языка. Начались массовые народные волнения, сто тысяч человек вышли на улицы, что было в те годы явлением беспрецедентным. В результате в Основном законе ГССР грузинский язык сохранил статус государственного, наравне с русским.

Несколько отцов-основателей покоятся в университетском парке рядом с Иванэ Джавахишвили. Университет был их творением, они навсегда остались рядом со своим детищем. Помимо научных трудов и учебников академик Арнольд Чикобава прославился своей непримиримой борьбой против «Нового учения о языке», разработанного облаканным сталинским режимом вице-президентом АН СССР Н. Я. Марром. Дискуссия имела не только научный характер, но вылилась в идеологическое противостояние, в котором главным арбитром выступал сам «вождь народов». Шанидзе вышел победителем, учение Марра было признано ошибочным.

Психолог и философ академик Дмитрий Николаевич Узнадзе вошел в мировую науку как ученый, разработавший общепсихологическую теорию установки.

Академик Шалва Нуцубидзе оставил после себя огромное наследие: это был – самобытный философ, литературовед, историк культуры, создатель учения об истине – алетологическом реализме, крупнейший исследователь истории грузинской философии и переводчик на русский язык поэмы Руставели.

Путь к образованию Корнелия Кекелидзе, родившегося в многодетной семье, начался с церковно-приходской школы. В Тифлисской семинарии он учился вместе с Иосифом Джугашвили. Далее их пути кардинально разошлись. В 1916 году Кекелидзе был назначен ректором Духовной семинарии. Дальнейшая судьба ученого целиком связана с университетом, где он был в разные годы деканом философского факультета, проректором, с 1918 года по 1962 год заведовал кафедрой истории древней грузинской литературы, в сороковых годах возглавлял Институт грузинской литературы им. Ш. Руставели.

После короткой «оттепели», годов застоя, университет стал активным участником процесса демократических преобразований в стране. Альма-матер, как и вся Грузия, пережила годы стагнации, теперь старейший вуз встал на путь преобразований, созвучных времени.

В настоящее время в ТГУ имени Иванэ Джавахишвили и в его филиалах обучаются около 35 тысяч студентов. Университет имеет тесные научные и образовательные связи со многими странами. В структуру университетского комплекса входят 4 научно-исследовательских института, 8 филиалов, расположенных в различных регионах Грузии, 22 факультета, 81 научно-исследовательских и проблемных лабораторий, 7 музеев, информационный центр, издательство, типография, центр культуры и искусств и пр.

К 100-летию юбилею университета Национальный банк Грузии выпустил юбилейную монету номиналом 5 лари. На аверсе изображен герб Тбилисского госуниверситета, на реверсе – первый корпус ТГУ. И это неслучайно. Олениха с олененком – эмблема альма-матер, выполненная известным художником Дмитрием Шеварднадзе, чье имя присвоено

ныне Национальной галерее, образно воплощает дух университета. Выдающиеся его выпускники удостоились звания академиков, другие достигли высших государственных постов, включая президентских. Тысячи дипломированных специалистов вносят свой посильный вклад в развитие науки, технического прогресса, гуманитарного образования страны.

Несколько десятилетий назад альма-матер стала на незабываемые пять лет учебы нашим домом. Потом студентами стали наши дети, теперь пришел черед внуков. Студентам XXI века трудно представить, что наших девочек не впускали на лекции в брюках, за прогулы прорабатывали на комсомольских собраниях, за рубеж не выпускали без характеристики райкома. Нам трудно усвоить, что нынешняя молодежь за час работы в интернете получает информации больше, чем мы за три дня сидения в библиотеке. Им открыт мир, мы читали книги. В свои неполные двадцать они свободно ездят по миру, для них открыты Кембридж и Гарвард – нашлись бы средства. Мы изучали географию и историю в пределах Грузии, выбираясь на экскурсии в Гелати, Икалто, Вардзия, зимой на пытящей «кукушке» поднимались в Бакуриани. Сводный отряд ТГУ ежегодно отправлялся покорять отроги Большого Кавказа – традицию альпиниад заложил математик Георгий Николадзе еще в 1923 году. Летом трудились в ССО, в лучшем случае нынешние студенты расшифруют эту аббревиатуру как Общество социальной свободы. Между поколениями «отцов и детей» различий больше, чем сходства. Нас роднит одно – университет, большой белый корабль, плывущий в фарватере грузинских вузов. Команда на нем меняется, но курс остается прежним – вперед, к прогрессу. Счастливого плавания: «Vivat Academia! Vivat professores!».

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ ВЫСОЦКИЙ!

25 января 2018 года Владимиру Высоцкому могло бы исполниться 80 лет. Но ему навсегда – 42... Всего лишь. За свои сорок два года он успел написать, сыграть, спеть столько, что многим для этого потребовалась бы не одна, а сорок две жизни. Он успел за одну.

Отношение к Высоцкому в Грузии никогда не менялось. Каким его узнали, таким и полюбили. Каким полюбили, таким и запомнили.

Вечера Союза «Русский клуб», посвященные любимому артисту и поэту (а их за десять лет состоялось уже три!), – это живое воплощение того, как Высоцкого воспринимают там, где, по его словам, «все ясно и тепло» – в Тбилиси. Здесь его не просто помнят, но и читают, и играют, и поют, и слушают.

В 2008 году мы праздновали 70-летие со дня рождения Владимира Высоцкого: в театре им. Руставели в постановке Роберта

Стура и сценографии Мириана Швелидзе прошел вечер «Я люблю и, значит, я живу». Пять лет назад «Русский клуб» отметил 75-летний юбилей Высоцкого международным концертом «Я, конечно, вернусь» с участием исполнителей из пяти стран. Его постановщиком стал Автандил Варсимашвили.

Проект празднования 80-летия со дня рождения Владимира Высоцкого, осуществленный «Русским клубом», стал, пожалуй, самым масштабным – это и концерт-спектакль «Мне есть что спеть...», состоявшийся в Большом зале театра Грибоедова, и презентация двух книг, прошедших в Москве и Тбилиси и приуроченных специально к юбилею: новое, 25-е по счету, издание из серии «Русские в Грузии» – «Кура в туманной дымке и далекий монастырь. Владимир Высоцкий», а также фундаментальное исследование «Высоцкий в Грузии», подготовленное при участии «Русского клуба» и изданное российским издательством «Либрика».

Однако обо всем по порядку. Удивительно, но до сегодняшнего дня теме «Высоцкий в Грузии» – настолько же обширной, насколько и неосвоенной – не было посвящено ни одного специального издания, разве что отдельные фрагменты в некоторых изданиях (которые, к сожалению, грешат неточностями, ошибками и информационными пробелами), да разрозненные, не систематизированные интервью.

Как известно, Грузия – ментально особая земля. Борис Пастернак даже говорил о «грузинском мессианстве». Эта страна всегда имела особое значение для деятелей русской культуры. Здесь они находили приют и пристанище, отдыхали душой, черпали вдохновение. В Грузии жили, творили и любили А. Грибоедов, А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой, В. Немирович-Данченко, Вс. Мейерхольд, А. Сумбатов-Южин, Б. Пастернак, О. Мандельштам, М. Булгаков, А. Тарковский, Н. Заболоцкий, А. Межиров, Д. Самойлов, Г. Товстоногов, П. Луспекаев, Е. Лебедев... А уж о Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенском и говорить не приходится – для

На презентации книги «Высоцкий в Грузии» в магазине «Москва»

Фото Дарьи Антоновой. ИА REGNUM

них Грузия стала поистине родным домом, второй родиной.

Отныне, благодаря книгам, изданным «Русским клубом» и «Либрикой», имя Владимира Высоцкого навсегда и по праву встает в славный ряд творцов, в жизни которых Грузия сыграла свою особую роль, порой – судьбоносную.

В песнях Владимира Высоцкого грузинских мотивов, казалось бы, наперечет: «В Тбилиси – там все ясно, там тепло...», «Выпью – там такая чача...», «Мимо носа носят чачу, мимо рта – алычу...», «А у тебя самой-то, Зин, в семидесятом был грузин...», посвящение Михаилу Хергиани «К вершине»... А вот в сценарии «Венские каникулы» (или «Каникулы после войны»), написанном в соавторстве с Эдуардом Володарским, грузинская тема прозвучала в полной мере: одним из главных героев является именно грузин. Более того, произведение заканчивается пронзительным символом-метафорой: «Вахтанг медленно упал на колени, а потом на спину. И глаза смотрели в черное, звездное небо... И в ту предсмертную секунду он опять увидел Родину... Город в котловане, засыпанный огнями... А потом утро... Кура в туманной дымке и далекий монастырь на горной круче... Древний, могучий монастырь...». Добавим, что эта роль предназначалась Отару Мегвинетухуцеси.

В личной судьбе Высоцкого Грузия символично прозвучала несколько раз. Он отпраздновал свадьбу с Мариной Влади в Тбилиси. В течение десяти лет, начиная с 1969 года, отправлялся с Мариной в круизы по Черному морю на теплоходах «Грузия», «Аджария», «Шота Руставели». Приезжал в Грузию не один десяток раз. Не только на гастроли, но и просто так – навестить друзей, пройтись по улочкам старого города...

С 1975-го по 1980 год жил в Москве по адресу: Малая Грузинская, дом 28, квартира 30. Наконец, на церемонии прощания с Высоцким в Театре на Таганке был вывешен портрет работы известного тбилисского фотохудожника Александра Саакова.

Об этом и многом другом рассказывается на страницах книги-исследования «Высоцкий в Грузии»: когда и при каких обстоятельствах он приезжал в Грузию, с кем встречался, где выступал, какие написал песни. Очевидцы (многие из которых опрошены впервые в истории высококоведения!) делятся воспоминаниями о том, каким они увидели Высоцкого и запомнили на всю жизнь. Книга развенчивает целый ряд мифов и досадных ошибок, связанных с пребыванием Высоцкого в Грузии, которые, увы, на протяжении многих лет кочуют из публикации в публикацию.

Издание из серии «Русские в Грузии» сжато и компактно. Основное достоинство книги в том, что в ней приводятся только доказанные факты и проверенные данные, и при этом – ни одной спорной версии.

24 января в знаменитом книжном магазине российской столицы «Москва» издательство «Либрика» представило два крупных книжных проекта – фотоальбом «летописца Таганки», известного театрального фотографа Александра Стерни-на «Высоцкий» и сборник «Высоцкий в Грузии». Добавим, что сборник издан с приложением: это три концерта Владимира

Никита Высоцкий.

Фото Дарьи Антоновой. ИА REGNUM

Высоцкого в Тбилиси на CD и неизвестная ранее кинохроника с Владимиром Высоцким, актерами театра на Таганке и Мариной Влади в Грузии на DVD. Автор, Нина Шадури-Зардалишвили, в своем выступлении перед гостями презентации отметила: «Многие мои московские друзья, услышав название книги, удивлялись: «А что, Владимир Семенович бывал в Грузии? А даже если и так, разве это может быть темой?» Наша книга выполнила свою главную задачу – она обозначила и закрепила в культурном пространстве огромную тему – Высоцкий в Грузии. В ходе исследования нас накрыла целая волна инфор-

мации, мы шли от собеседника к собеседнику, от очевидца к очевидцу – и знакомились с новыми фактами, которые без преувеличения можно назвать открытиями. Многие из них – настоящие сенсации в высококоведении. Так, мы расширили список грузинских городов, в которых бывал Высоцкий, обнаружили его друзей из ближнего круга, которые впервые согласились на беседу для публикации, выяснили, что количество концертов, данных Высоцким в Грузии, значительно больше известного прежде, установили, что Владимир Семенович появлялся в Грузии чаще, чем ранее предполагалось исследователями. Высоцкий приезжал в Грузию не только с гастрольями театра и со своими концерты, но и просто так. Согласитесь, приезжать куда-то просто так можно, только если тебе там хорошо.

Автора книги поддержал специальный гость презентации Народный артист РФ Вениамин Смехов. Он рассказал, как в 1966 году их встречали в Тбилиси: «Во время грузинского застолья из-за стола встал один из лучших артистов театра Руставели: «Мы знаем, как вам тяжело в этой Москве. Но мы – не просто город Советского Союза, мы – Грузия, а вы – наши друзья!»

Московская презентация продолжилась 27 января в Тбилиси, в Грибоедовском театре. В рамках юбилейного концерта были представлены обе книги, посвященные Владимиру Высоцкому. Издание из серии «Русские в Грузии» получил в подарок каждый зритель, пришедший в этот вечер в театр почтить память Владимира Семеновича. А вот книгу «Высоцкий в Грузии» издательство «Либрика» выставило на продажу – по специальной льготной цене (заметим, что она в пять раз ниже реальной стоимости книги). Решением генерального директора издательства Вадима Панюта все средства от продажи книг будут направлены на поддержку деятельности театра Грибоедова и «Русского клуба».

Юбилейный концерт в Тбилиси его создатели назвали строчкой из последнего стихотворения поэта – «Мне есть что спеть...». Вечер открыл Николай Свен-

тицкий – руководитель и вдохновитель проекта, который стал и режиссером-постановщиком концерта. Он сказал: «Сегодня на эту сцену выйдут 37 исполнителей. Вы услышите 28 песен из шестисот, написанных Владимиром Высоцким. В числе участников нашего вечера – те, кто давно знает, любит и поет Высоцкого. Некоторые даже были знакомы с ним лично. А есть и такие, которые открывают для себя его творчество только сейчас. Со дня его ухода прошло 38 лет. За этот промежуток времени изменилось все: распалась огромная страна, рухнула прежняя идеология, выросли новые поколения. И для грузинской молодежи если и знакомо имя Высоцкого, то его творчество – скорее всего, не очень. Сегодня многие из молодых исполнителей спокот Высоцкого впервые. И несомненно – он останется в их жизни навсегда. Мы-то с вами точно знаем – узнав Высоцкого, позабыть его невозможно, полюбив его – разлюбить нельзя».

Действие спектакля-концерта проходило в декорациях одного из тбилисских дворов, которые сами тбилисцы искони называют итальянскими – с их резными балкончиками, деревянными лестницами, большими террасами, коврами, развешанными на перилах... именно в такие дворы любил заходить Высоцкий, прогуливаясь по Тбилиси. В таких дворах его слушали в 70-е годы, в таком «дворе» на сцене Грибоедовского его песни исполняли как признанные звезды грузинской эстрады и театра, так и совсем молодые певцы: Нугзар Эргемлидзе, Ирма Сохадзе, Майя Бараташвили и Георгий Меликишвили, Темур Татарашвили, ансамбль «Форте» п/у композитора Нуцы Джанелидзе, Зураб Доиджашвили, Эка Квалиашвили, Ирина Мегвинетухуцеси, Како Вашаломидзе, Вахтанг Гордели-Палиашвили, ансамбль «Лемани» п/у Давида Гвелесиани, Инга Берадзе, танцевальная группа «Пятый ранг», Каха и Леван Бахтадзе, Нино Дзоценидзе, Саломэ Бакурадзе, Екатерина Малания, Датуна Мгеладзе, Андрия Гвелесиани, Рамина Мальцева, Дато Отиашвили, Нино Кикачеишвили, Нина

Нинидзе. Финальным аккордом концерта стала легендарная «Баллада о борьбе» в исполнении Ники Джинчарадзе и ансамбля грузинского танца Университета Европы. Нельзя не отметить отличную работу балетмейстера Давида Метревели и, конечно, автора всех аранжировок, поразивших оригинальностью и свежестью восприятия культовых песен Владимира Высоцкого – маэстро Котэ Малания.

Только одному из участников концерта было дано право не только спеть, но и сказать те слова, которые он сочтет нужным, – конечно, это был Вахтанг Кикабидзе. «Замечательный сегодня вечер, – сказал Вахтанг Константинович. – Я вспоминаю день смерти Володи Высоцкого. Я тогда лежал в больнице в Москве. Я позвонил Анатолию Ромашину, был такой прекрасный артист, и попросил – отвези меня на кладбище к Володе, рано утром, когда народу не будет. Это было на второй день после похорон. Мы приехали затемно. И я увидел огромное количество людей. И сказал Ромашину – если бы Володя знал, сколько народа пришло с ним прощаться, как его любят, он бы с удовольствием умер еще раз... Я хочу сказать, что Высоцкого пели, поют и всегда будут петь в Тбилиси».

Кстати, стоит добавить, что воспоминания Вахтанга Кикабидзе вошли в сборник «Высоцкий в Грузии». Вот о чем он, в частности, вспоминал: «Лет 50 тому назад я был на гастрольях в одном маленьком российском городе. Тогда водку продавали с 9 до 12 дня. Потом невозможно было достать. Мы были молодые, приехали с концертной бригадой. У нас было дежурство по утрам – мы должны были успеть отовариться. Настала моя очередь, я возвращаюсь с сумкой в руках, навстречу мне идут двое ребят, один случайно задел сумку, и там зазвенело. «Водка?» – «Да». – «Елки-палки, а мы не успели. Продай. Мы из Таганки, приехали с театром». – «Мы тоже артисты». И я сказал, что если хотят выпить, пусть после концерта приходят в гостиницу, и назвал наш номер. «Там посидим вместе». Когда вечером мы вернулись, они уже около двери стояли. Поздоровались, зашли,

Участники юбилейного концерта в Тбилиси

сели, начали пить. Потом один куда-то побежал, принес гитару, сказал, что будет исполнять свои песни. И вдруг неожиданно для меня звучит хриплый голос. До утра сидели. Так завязалось наше знакомство, отчасти шептунное, потому что когда мы где-то пересекались, сразу появлялось желание выпить. По старой памяти... Грузины знают цену и поэзии, и музыке Высоцкого. Его обожали. Он был интернациональный. У итальянцев есть такое звание, народ придумал – «интернациональный». Из нескольких актеров, кого называли интернациональный, Альберто Сорди, например. Потому что они – лицо нации. Это Шукшин, это Высоцкий».

Надо сказать, что в этот вечер в зале находились не только тбилисцы. Стараниями Вадима Панюты в Тбилиси из Москвы приехала целая делегация: горячо любимый в Грузии фотохудожник, журналист Юрий Рост, директор книжного мага-

зина «Москва» Марина Каменева, директор РГАЛИ Татьяна Горяева, замдиректора Дома Высоцкого на Таганке Людмила Лапунова, фотохудожник Екатерина Рождественская, ведущий специалист в области высококоведения Андрей Крылов... Конечно, это были самые строгие зрители концерта. Не знаем, что тому причиной – аура ли Владимира Высоцкого, в эти дни незримо накрывшая светлой волной всех нас, грузинское ли гостеприимство, яркая ли атмосфера юбилейного вечера в Грибоедовском, или все выше перечисленное вместе, но услышать от них слова одобрения и похвалы было радостью для всех организаторов и участников проекта. «Приятно наблюдать, – сказал В. Панюта, – что здесь велик интерес к творчеству Высоцкого, который так близок грузинам. Высоцкий – человек, стоящий над всеми проблемами, всеми сложностями, объединяет нас.

Несколько неожиданно было, что так много зрителей пришли на концерт, в том числе молодежь». «Конечно, можно было пригласить исполнителей, которые обычно поют Высоцкого в России, – отметила Е. Рождественская, дочь поэта Роберта Рождественского, – но было приятно, что все это преподнесли местные певцы с легким грузинским акцентом. И я рада, что здесь так вспоминают нашего замечательного поэта и барда».

Мы отпраздновали 80 лет со дня рождения любимого поэта и артиста. И сомнений нет – юбилей Владимира Высоцкого будут праздновать и через полвека, и много позже. Наше поколение передает эстафету любви детям и внукам. Пусть всегда будет Высоцкий!

Соб.инф.

«Я БРАТ ТВОЙ» — ЭТИ СЛОВА СКАЗАЛ НЕ Я

■ Юрий РОСТ

Но, увидев его в Тбилиси после десяти лет разлуки, распахнул руки и обнял Бубу, как обнимаю старых верных друзей. (А слова придумал Гоголь. Спасибо ему.)

Вот, Вахтанг Кикабидзе. Ему дали российский орден, а он не взял. Обиделись.

А ты бы взял?

У тебя на дорогах стоят русские танки. Военные самолеты летают над головой без всякого разрешения. Угрожают тебе оккупацией. Унижают словами и действиями.

Война в твоём доме, и те, кто с тобой воюет, отмечают тебя высокой правительственной наградой. Ну-ка, получи! Как ты будешь смотреть своим друзьям в глаза, женщинам, любящим тебя, просто грузинам? Да, и как ты будешь смотреть в лицо русским, которые видят в тебе не только прекрасного актера, музыканта и певца, но мужчину. Они ведь рукоплещут тебе на концертах и кричат «Буба, молодец!» не только за музыкальность и невероятное обаяние, но за готовность к поступку, которую угадывают в тебе.

Вот и он!

Кикабидзе был нам родным со своим хрипловатым голосом, со своими симпатичными, невероятного достоинства героями, пришедшими в нашу жизнь вместе с фильмами «Не горюй!», «Мимино», «Фортуна», снятыми Георгием Данелией. (Так достоверно не сыграешь, не обладая качествами персонажей.) Он и остался нам родным. Ну да, не всем. Но тем, кто открыт для верного и нежного общения и у кого в уме память о наших двухсотлетних дружеских отношениях.

Грузия всегда была нам ближе всех соседней. По вере, по открытости, по культуре. Лучшие русские поэты (Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Ахмадулина...) в своих переводах дарили нам возможность почувствовать красоту и глубину

грузинской поэзии. Мы знаем и любим грузинское пение, театр, кино, прозу и даже футбол. В старые времена грузинские князья считали обязательным служить в армии Российской империи. У нас в этой прекрасной земле есть свои могилы. На горе Мтацминда в Пантеоне хранится прах великого Александра Грибоедова и его жены Нины Чавчавадзе. «Зачем пережила тебя любовь моя», — на могильном камне написала она, всю жизнь хранившая вер-

ность его памяти.

Я не хочу, чтобы эти слова были написаны на пепелище нашей любви к Грузии... Не дай мне бог ее пережить.

Мы рискуем потерять родных, отгородившись унижительным для них визовым барьером. Но они не хотят терять тех, кого любят, и говорят: приезжайте к нам, ребята! Мы вас примем радушно, славно и спокойно. Улыбнемся вам. Мы скажем «здравствуйте» на нашем общем русском языке. На котором большинство по-прежнему говорит прекрасно.

Зимой, после Нового года, я прилетел в Грузию самолетом, который был набит русскими людьми. Они были напряжены, потому что знали, как сложно попасть в Россию, и настороженно гадали, что их ждет в Тбилиси. Выйдя из самолета, они протянули вежливым контролерам свои российские паспорта и через одну минуту стали гостями Грузии. Каждый прилетевший при этом получил от пограничника бутылку грузинского вина «Саперави». Просто так.

Эти люди вернулись в удаленную, теперь к счастью для нее, самостоятельную Грузию, некогда бывшую частью общей родины. И эта Грузия, к их удивлению, сохранила любовь к своим русским друзьям.

Среди символов наших связей, действительно не поддающихся дрянной политической коррозии, и имя бывшего барабанщика из группы «Орэра», прекрасного артиста Вахтанга Константиновича Кикабидзе.

Он был кумиром большой страны. Он пел русские и грузинские песни. Он любил и дружил. Он любит и дружит.

Спасибо, Буба! Мы такие же.

Годы, прожитые вместе, как ты и пел, наше богатство.

Фото автора

www.novayagazeta.ru/articles/2018/02/09/75441-ya-brat-tvoy-eti-slova-skazal-ne-ya

Андрей Крылов

Фото А. Славина

СВОЯ СРЕДА

■ Инна **БЕРИДЗЕ**

Вечер, посвященный 80-летнему юбилею Владимира Высоцкого, собрал немало интересных гостей. Среди них – российский литературовед, текстолог, библиограф, один из лучших специалистов в области авторской песни Андрей Евгеньевич Крылов. Он занимается историографией и текстологией этого рода литературы с 1972 года. В 1979-85 годы – главный редактор самиздатской газеты «Менестрель». С 1980 по 1991 г. был председателем комиссии по наследию Владимира Высоцкого при Всесоюзном совете клубов авторской песни. С 1996 по 2003 годы – заместитель директора по музейной и научной работе Государственного культурного центра

музея В.С. Высоцкого. С 2003 года А. Крылов – главный редактор и составитель ежегодного альманаха «Голос надежды. Новое о Булате», посвященного жизни и творчеству выдающегося поэта и прозаика Булата Шалвовича Окуджавы. Издания разных лет этого альманаха Андрей Евгеньевич передал в дар театру имени А.С. Грибоедова и МКПС «Русский клуб». Интереснейший факт: среди документации отдела кадров театра имени А.С. Грибоедова Андрей Крылов обнаружил (с помощью сотрудников театра) любопытную информацию о Булате Окуджаве – 16 августа 1945 года он был принят в театр им.А.С. Грибоедова сотрудником вспомогательного со-

става «с месячным испытательным сроком» и окладом в 200 рублей. Правда, уже с 1 ноября того же года был освобожден от занимаемой должности «согласно личной просьбе».

– Андрей Евгеньевич, представьте, пожалуйста, нашему читателю «Голос надежды». Как создавался альманах?

– В 2003 году собрались единомышленники и сами, за счет одного из членов редколлегии и авторов этого альманаха Марата Гизатуллина стали небольшим коллективом издавать «Голос надежды. Новое о Булате». Это продолжалось десять лет, пока Гизатуллин на этом не разорился. Чем альманах хорош? Тем, что мы ничего ниоткуда не перепечатывали. Перепечатки – только если оригиналы на другом языке или опубликованы на Западе и в России недоступны. Так что здесь действительно новые материалы – то, что удалось раздобыть. То, что филологи, лингвисты, биографы пишут об Окуджаве и только эксклюзивно для нашего альманаха. Потому что, по нашему мнению, если что-то опубликовано, значит, попало в библиографию. Кому надо – найдет. А новое? Мы пытались донести до читателей свои находки и открытия. В изданиях альманаха опубликованы работы исследователей в области лингвистики, поэтики, новые факты биографии. К примеру, не были известны зарубежные поездки Булата Окуджавы – в наших изданиях они довольно подробно отражены. К примеру, его поездки в США, Германию. Материалы подобраны по разделам. Нами впервые было опубликовано более 100 писем, больше сотни интервью – либо напечатанных в малоизвестной русскоязычной прессе на Западе, либо переведенных с иностранных языков. Конечно, случались повторы, но мы считываем на интерес исследователей. То, что опубликовано в этих изданиях, – закрытые белые пятнышки в окуджавоведении. Хотя творчество Булата Окуджавы – абсолютно неисчерпаемая тема для исследования! Жаль, что у нас нет возможности издавать альманах дальше...

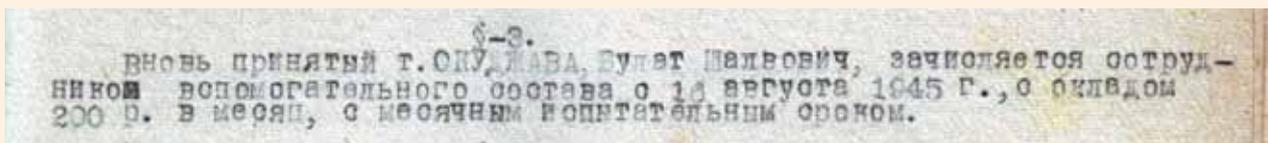
Увы, интерес к книгам в России снизился, и число читающих

Буллат Окуджава

Дар «Русскому клубу» Андрея Крылова

в нашей стране составляет по итогам опроса ВЦИОМ всего десять процентов населения. Хотя и эта цифра относительна. Кто-то приврал, что вообще читает, другой просматривает только прессу, третий предпочитает фантастику и любовные романы. Так что мы можем лишь предположить, сколько процентов читателей из этих десяти приходится на литературу нон-фикшн. Спрос на книги очень снизился. Раньше новые издания раскупались в один день, а сейчас книга, которую ты свободно можешь приобрести в течение года, издана тиражом всего в 1000 экземпляров! А сейчас уже и 500 экземпляров. То есть, это уже заранее библиографические редкости.

– Вы говорите о снижении интереса к чтению. Точно такая же тенденция наблюдается и в отношении слушателей к авторской песне. Новое поколение в основном равнодушно к этому жанру.

– Многие не умеют слушать там, где нужно работать, по-

верхностно воспринимают текст. Конечно, не все, но основная масса. Тем, кто совсем не интересуется авторской песней, вполне достаточно «шедевров» типа «Два кусочка колбаски» и «Ты целуй меня везде...». Гораздо сложнее воспринять то, что требует погружения в глубину, интеллектуального труда. У бардовской или авторской песни всегда было меньше слушателей, чем у того же рока. Даже в лучшие ее годы. Я провел эксперимент – заходил в магазинчики, где торгуют дисками, и интересовался, что у них есть из авторской песни. В лучшем случае мне выкладывали Сергея Никитина, в основном же – Юрия Лозу, который не имеет никакого отношения к авторской песне. Сейчас это называют шансоном. Делаю вывод, что в понимании многих авторская песня сегодня – это нечто совершенно другое. Хотя раньше данным словосочетанием определялось некое закрытое сообщество. Как говорят ученые, когда размываются границы жанра, явления, то ис-

чезает и само явление. Потому что нет границ – и оно исчезло, растворилось!

В 10-30-е годы XX столетия одновременно выступали Александр Вертинский и Михаил Кузмин. С точки зрения авторской песни в современном понимании они занимались одним и тем же; с точки зрения жанра – сочиняли и пели свои стихи, один под аккомпанемент рояля, другой – даже под собственный аккомпанемент. В чем отличие одного от другого? Ни в чем. Разве что в аудитории. Кузмин и Вертинский делали вроде бы одно и то же – это все называлось песней. В то же время один был поэтом – Михаил Кузмин, а второй именовал себя артистом – Вертинский. Но просто не было никакой потребности назвать это авторской песней!

А в 50-е годы XX века такая потребность появилась... Начало авторской песни определяется появлением магнитофона как единственной в СССР возможности свободного распространения материала, а кончается от-

меной цензуры. Магнитофон был действительно единственным способом распространения авторской песни, но со временем перестал быть таковым. Сегодня вы написали песни, вас никто не знает, и нужно просто найти спонсоров и издать свой текст, исполненный под гитару. Каждый, кто выходит в наше время к аудитории с гитарой, — это уже бард! А тот, кто сам сочиняет и исполняет свои произведения, — авторская песня! Вот она — размытость границ...

— Какое место в истории авторской песни занимает, на ваш взгляд, Булат Окуджава?

— Булат Окуджава — явление. Он не первый начал писать песни, которые стали попадать на магнитофоны. Студенческие песни Юрия Визбора, Ады Якушевой, Юлия Кима появились задолго до Окуджава. Но пришел Булат Шалвович и показал, что можно еще и так писать. Визбор и другие ничего пафосного не сочиняли, не славили партию и Ленина, это были бытовые вещи... Но когда появился Окуджава, те же авторы поняли, что можно в песни и подтекст вкладывать. Вместе с филологом Инной Алексеевной Соколовой, автором работы «Авторская песня: от фольклора к поэзии», мы осуществили исследование и обратили внимание на то, как изменились песни Визбора после того, как появился Окуджава. Произошел просто резкий качественный скачок! Поэтому Окуджава и считают родоначальником авторской песни. По инерции мы называем авторской песней и то, что было до Окуджава, хотя на самом деле это две качественно разные ступеньки.

— Каков же вклад Владимира Высоцкого в развитие традиций авторской песни?

— Обычно когда в публицистике пишут о том, что такое авторская песня, обязательно называют три имени: Окуджава, Высоцкий, Галич. Четвертым может быть кто угодно. Тот же Михаил Анчаров, который писал еще в 40-е годы, до Визбора и поющего МГПИ (Московский государственный педагогический институт. — И.Б.). Говорят про

Новеллу Матвееву, Юлия Кима, Юрия Визбора. Даже Александра Розенбаума называют иногда четвертым. Кстати, в авторской песне выделяются два направления. К примеру, Окуджава называл свои песни стихами, исполненными под гитару. Это — одно. А другое направление представляли Виктор Берковский, Александр Суханов, Сергей Никитин — композиторы, поющие песни на чужие стихи. Но это тоже относилось к авторской песне. Во всяком случае, в истории оба направления остались как нечто единое. Они же и вместе выступали, в одних и тех же концертах принимали участие. Другое дело, что филологу не интересен набор стихов, которые собрал Сергей Никитин. Так что с точки зрения литературоведа авторская песня — это только первая ветвь. А с точки зрения музыковеда это — единое целое. Хотя музыковеды по большому счету этим жанром пока не заинтересовались. Единицы.

Возвращаясь к Высоцкому. Для кого-то он первый. Чем он привлекателен, в отличие от Окуджава и Галича? Как известно, существует теория восприятия искусства. Кто-то воспринимает внешний сюжет. И таким «Санты-Барбары» вполне достаточно. Другой отмечает в фильме какие-то отдельные моменты — музыку, искусство художника, оператора, еще что-то. Третий видит целое. А четвертый, выс-

ший уровень восприятия, — попытка понять, что хотел выразить творец. Окуджава и Галич на первом, сюжетном уровне понятны. Хотя, возможно, Галич понятен больше, чем Окуджава. Но Высоцкий здесь лидирует. Потому что у него разные песни, в том числе сюжетные. И «Про Ваню и Зину» воспринимает любой слушатель — все четыре «слоя» слушателей. Окуджава люди первого уровня воспринимают меньше, Галича редко. Галич не так распространен, хотя у него много сюжетного. Еще и советская власть с органами КГБ поработала — изымала пленки Галича. И как бы ни говорили, что Галич вернулся на родину, это всего лишь красивая метафора. Он вернулся только к тем, кто его знал. А для молодежи — стена.

Что касается интереса к Высоцкому, то он, во всяком случае, не меньше интереса к Ахматовой и Пастернаку. Не то, что «Высоцкий для всех», с оттенком пренебрежительности! На самом деле он и для первых, и для вторых, и для третьих, и для четвертых. «Кони привередливые» поклонники «Санта-Барбары» не очень-то поймут. Высоцкий сокращал эту песню для иностранцев будучи за границей — все равно, мол, смысла не понимают. Для фильма — тоже, потому что длинная. Но и для слушателей тоже иногда можно сократить — все равно публика

Александр Галич

Владимир Высоцкий

больше тяготеет к Ване и Зине, к этой части репертуара Высоцкого.

– К сожалению, вокруг имени Владимира Высоцкого много конъюнктуры и спекуляции. Иногда даже внутренний протест возникает... Не слишком ли этого много?

– Да, возникает протест. Особенно у тех, кто не любит Высоцкого, спокойно относится к его творчеству. Вот у них что-то может вызвать внутренний протест. Я это заметил в 1988 году, в юбилейные дни. После того, как сняли запреты, везде звучал Высоцкий. Как и в этот юбилей – он был целый день по ТВ. Я понимаю: человек, который равнодушен к Высоцкому или даже знает пару его песен и способен их воспроизвести, может возмутиться, если каждый час долбить его Высоцким и по ТВ, и по радио, и со страниц печатных изданий: какую газету ни открой – всюду Он. Это, конечно, может раздражать. Но дело вот в чем. То, что мы раньше наблюдали, было, как правило, организова-

но сверху. Создавались комиссии по празднованию юбилея «великого писателя», и мы уже сегодня забыли фамилию этого писателя. А здесь все – снизу. Смотришь интернет – в каждом городе проходит выставка, проводится вечер, мемориальную доску открыли, а то и памятник поставили. Это даже не на уровне руководства города. Это – инициатива снизу. Любители создают, приходят в какой-нибудь руководящий орган города, и там их поддерживают или не поддерживают. В этом – принципиальная разница.

– Вы подарили нам издания альманаха, посвященного Булату Окуджава. Подобное не выпускается о Высоцком?

– Я работал в музее Высоцкого семь лет. До 2003 года. Музей издавал альманах «Мир Высоцкого», успели выпустить семь томов. Потом я ушел, и дело заглохло. За последние 15-20 лет выпустили еще два тома. Энтузиазма у руководства музея не было. Я пришел в музей в 1996 году спасать положение,

тогда там по штату числилось много научных сотрудников. Но их по разным причинам все ужимали, ужимали... Сейчас там, к сожалению, работает минимум научных кадров. Однако было объявлено о реконструкции музея, может быть, после этого, на что я очень надеюсь, увеличат штат научных сотрудников.

– Что можете отметить нового, интересного в высококоведении, окуджавоведении?

– Меня интересует в этих областях движение вперед. То, что россиянин Вадим Панюта вместе с грузинкой Ниной Шадури сделали книгу «Высоцкий в Грузии», – это просто замечательно! Сама идея не нова. Выходили книжки «Высоцкий в Калуге», «Высоцкий в Белгороде», «...в Дубне», еще где-то. Такие книжки есть, и мне нравится, что они выходят. А еще мне нравится в высококоведении то, что диски издают концертами. Это очень важно как для исследователя, так и для простого слушателя. Слушать диск, на котором записан весь концерт, – это здорово. Ты узнаешь, как Высоцкий строит программу. С чего начинается, чем заканчивает. Ощущаешь сам дух выступления, особенно, когда слушаешь концерты, на которых ты сам был. Возникает ощущение, будто ты снова там оказался, окунувшись в ту атмосферу. Зрительные, слуховые моменты вспоминаются и на эту фонограмму накладываются. Даже если ты не был ни на одном концерте, все равно этот момент присутствия очень много прибавляет к восприятию записи. Они отличаются друг от друга какими-то существенными моментами. К примеру, тут он сказал три важных слова, которых больше нет нигде. Есть твердая уверенность, что все концерты со временем выйдут на дисках. Для исследователей это клад.

А лет пять назад начались исследования в области комментариев к песням Высоцкого. Время изменилось резко, некоторые вещи ушли в прошлое, и стало непонятно, о чем идет речь в той или иной песне. Благо, появились исследования этого пласта – исторические, литературоведческие и реальные ком-

ментарии. У Высоцкого есть такая песня: «Мы про взрывы, про пожары сочинили ноту ТАСС». Какие взрывы, какие пожары? Современному слушателю это ничего не говорит. Но были взрывы в метро, горела гостиница «Москва». Намеки в комментариях должны быть прояснены... Или в песне «Честь шахматной короны» есть такие слова: «Он мою защиту разрушает – старую индийскую – в момент, – это смутно мне напоминает индо-пакистанский инцидент...»... Да, был такой инцидент, когда Высоцкий писал эту песню. Но раз в два-три года подобный инцидент вновь и вновь происходит, и эта строчка Высоцкого каждый раз актуализируется. А с другой стороны, когда человек слушает песню, ему все равно, был или не был такой инцидент. Кто-то понимает, а кто-то – нет. Все равно человек воспринимает не факт, а ситуацию. Но в комментариях нужно такие вещи разъяснять, потому что это добавляет глубину, объем. А кто знает географию, тот понимает иронию.

Очень развивается и лингвистическое направление, которое занимается крылатыми выражениями. Мы же говорим словами Высоцкого, цитируем его в публицистике, в газетных заголовках. Все это очень и очень интересно! На эту тему есть уже диссертация по Высоцкому, причем очень глубокая. Автор – Инна Шумкина из Самары, название: «Функционирование цитат из авторской песни в газетно-публицистических текстах». По Высоцкому, только на этом материале, вообще написано больше сорока диссертаций. Хотя ему уделяется внимание и в других научных трудах, посвященных авторской песне.

Научные конференции, посвященные Высоцкому проводятся регулярно. В Орле, Воронеже, в Новосибирске уже будет вторая. Это очень много.

У ученых должен быть стимул. Если они знают, что регулярно издается альманах или проводится очередная конференция, то стараются к этому что-то подготовить. В музее Булата Окуджавы были люди, которые занимались организацией научных конференций, и три с половиной конференции прош-

ли (три с половиной – потому что одна была для студентов и аспирантов)... И у авторов нашего альманаха «Голос надежды» был стимул: напишу и пошлю в очередной сборник. Знали, что мы каждый год стабильно издаем его. Мы старались публиковать новое, не повторяться, со знанием нынешнего уровня орудия ведения. А не то, что читалось бы в 80-90-е годы как открытие, а сейчас воспринимается как общее место. Естественно, мы это отбирали. И тем не менее... такая возможность публикаций у ученого была. Сейчас и в музее Булата Окуджавы такие конференции не проводятся, и наш альманах «скончался». Тем не менее, публикации в научных журналах есть, их много. В сборниках (помимо монографий) печатается примерно 15-20 публикаций в год про Булата Окуджаву. Про Высоцкого, естественно, еще больше выходит. Раза в три-четыре. А к Галичу научного интереса меньше. Но нам довелось выпустить три альманаха, посвященных Александру Галичу.

– Видите среди представителей молодого поколения продолжателей традиций авторской песни?

– Не могу кого-то выделить. Потому что среди авторов много моих друзей, которых не хочу обижать. И потом, я, наверное, остался в 60-70-х годах прошлого века. Мне там интереснее быть, чем следить за новинками, за тем, что сейчас называют авторской песней.

– Самая любимая ваша песня Высоцкого?

– У меня нет любимых. Ах, вся эта литературная критика, даже уже посмертная!.. Умом я понимаю, что есть у Высоцкого песни слабые. Существует еще один подводный камень. Когда артисты обращаются к песням Высоцкого, то не разделяют те, что он написал для себя, для собственного исполнения, и другие, написанные им для других исполнителей. Поэтому когда со сцены звучат песни «Я несла свою беду», «Так случилось, мужчины ушли» или «Как по Волге-матушке», ожидаешь удачи гораздо чаще, чем когда

поют «Идет охота на волков» или «Кони привередливые». Потому что в тех песнях, которые он написал для себя, Высоцкий рассчитывал на собственные возможности, а возможности у него были огромные! Он мог спеть «Баньку побелому», исполняя все куплеты по-разному. А другие интерпретаторы чаще всего воспроизводят эту песню более монотонно, у них нет такого богатого спектра, как у Высоцкого. Потому и так редки удачи. Невозможно это сделать хотя бы на уровне Высоцкого! А те песни, которые Владимир Семенович написал для фильмов, которые поют другие актеры, для «Алисы в Стране Чудес» или для Марины Влади, получаются у многих, как говорится, на раз.

– Вам не нравится, как звучат песни Высоцкого в исполнении современных исполнителей?

– Не то, что не нравится... просто это очень трудно сделать. И когда кто-то берется за это... они либо переоценивают свои возможности, либо недооценивают песню. Кстати, в Тбилиси, на концерте, посвященном юбилею Высоцкого, произошла одна интересная вещь. «Кони привередливые» на тбилисском вечере мне было интересно слушать. Ее очень трудно воспроизвести, понять, глубоко через себя пропустить. Грузинский исполнитель не копировал манеру Высоцкого, делал что-то по-своему, и мне нравится то, что он делал, его мелодические нюансы. Но была и другая сторона. Артист использовал известную аранжировку Георгия Гараняна с советской пластинки. Когда вносишь что-то свое, и хорошо вносишь, но при этом используешь аранжировку Гараняна, то это отсылает к самой записи Высоцкого. Получается, что слушаешь другого исполнителя, и раз – в голове Высоцкий! И ты не можешь до конца погрузиться в нынешнее исполнение. Если бы грузинский певец взял другую аранжировку, может быть, не такую яркую, было бы гораздо лучше. И удача артиста была бы очевиднее...

«Накашидзе-Шаррон» покидает полигоны российской армии

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Страшный взрыв сотрясает в августе 1906 года Аптекарский остров Санкт-Петербурга – элитное дачное место того времени, некий аналог нынешней подмосковной Рублевки. Две бомбы террористов-смертников из «Союза социалистов-революционеров максималистов» разносят значительную часть казенной дачи главы российского правительства Петра Столыпина. Сам Петр Аркадьевич чудом остается целехонким, он залит не алой кровью, а... синей жидкостью – из пролетевшей над его головой чернильницы. Но были ранены его трехлетний сын и 12-летняя дочь, едва не лишившаяся ног и на всю жизнь оставшаяся инвалидом. А еще – около 100 человек, из которых 30 погибли на месте и несколько скончались в больнице. Газета «Русское слово» сообщила:

«Из числа жертв взрыва на даче председателя совета министров П.А. Столыпина – гвардии штаб-ротмистр запаса князь Михаил Александрович Накашидзе, изобретатель того бронированного боевого пулеметного мотора, о котором недавно писалось на столбцах нашей газеты». Грузинский князь, за пару лет до этого создавший первый российский броневик, пришел к Столыпину обсудить дальнейшую судьбу своего детища. После его гибели броневиками в России перестают интересоваться вплоть до Первой мировой войны.

Когда в 1873-м у гурийского князя Александра Накашидзе, в перерыве между сражениями оказавшегося в Москве, родился сын Михаил, герой Кавказской и Крымской войн не сомневался: его единственный на-

следник тоже станет военным. Мальчику было два года, когда полковник Накашидзе вновь отправился на Кавказ, где, отличившись в боях, он станет начальником Аварского округа, воинским начальником Западного Дагестана, Елизаветпольским губернатором, генералом от кавалерии. И молодой князь оправдывает надежды отца. Окончив Пажеский корпус, он получает направление на гражданскую службу, коллежским секретарем, но добивается перевода сначала в 43-й Тверской драгунский, а затем – в лейб-гвардии Гродненский гусарский полки. Надо сказать, что для кавалерии это необычный офицер. Он проявляет интерес не столько к лошадям, сколько к передовой технике того времени – автомобилям. И в 29 выпускает книгу «Автомобиль,

Князь Александр Нахидзе

его экономическое и стратегическое значение для России». В ней – красочные перспективы будущего армии. Ознакомимся лишь с основными из них:

«Самую большую услугу в России автомобиль, конечно, окажет Военному ведомству... Он будет способствовать мобилированию войск и подвозу припасов в местностях, где мало железных дорог и подъездных путей и даже на Кавказе, наиболее нуждающемся в этом отношении. Но взглянем шире, посмотрев на Восток... где в

особенности заметно отсутствие удобных путей сообщения и, наоборот, всюду прекрасные грунтовые дороги... Почему нельзя предположить, что для горных мест не будут выработаны выючные автомобили, ведь разбираются же конно-горные орудия; что же тут невозможного? Таким образом, автомобиль и в военном отношении будет, несомненно, иметь широкое применение для целей нашей армии и сослужит и в этом отношении... великую службу». А это – из рецензии во 2-м номере альманаха «Исторический Вестник» за 1902 год: «Автор подробно объясняет, в какой степени страдает в экономическом отношении Кавказ от примитивных способов передвижения по шоссейным дорогам, и, как военный, обращает также внимание на затруднения, которые встречают повсеместно войска на Кавказе в вопросах довольствия и быстрого передвижения».

При этом князь не ограничивается лишь теорией. Оказывается, что у него есть и талант предпринимателя, а это помогает совмещать военную карьеру с гражданской коммерческой деятельностью. Все в том же 1902-м он, на паях с известным автомобилистом графом Потоцким и полковником Головиным, основывает в Варшаве товарищество «Большой международный гараж автомобилей», получающее известность под названием «Интернациональ». Основная деятельность – торговля импортными автомобилями, в основном французскими, но начинаются попытки создать и собственное производство. Так что уже через год российская пресса пишет об автомобиле «Интернациональ» с мотором до 20 лошадиных сил. И подчеркивает: варшавская фирма использует не только французские агрегаты, но и запчасти собственного изготовления. А потом «Интернациональ» создает и два своих 10-местных автобуса.

Но этого деятельному князю мало. Вместе с варшавскими фирмами «Рентел» и «Романов-

ский» он участвует в организации омнибусного сообщения в Царстве Польском, а главное, налаживает торговые отношения с французской автомобилестроительной фирмой «Шаррон, Жирардо и Вуа». Оказывается, что там создан один из первых в мире образцов бронетехники, экспериментальный броневедомо автомобиль «Шаррон50CV», названный «автопулеметом». Еще в 1902 году фирма представила на Парижской выставке частично бронированный автомобиль, но французская армия отказалась от него, и через два года отставной полковник Гюйе спроектировал полностью бронированную машину с пулеметной башней.

Энтузиаст всего нового Накашидзе обращает на эту новинку особое внимание. Причем настолько пристальное, что передает управление «Интернационалем» другим собственникам, уходит в отставку и становится директором отдела броневых автомобилей фирмы «Шаррон». Правда, там изготовлены всего два броневика, но Накашидзе совершенствует их конструкцию. Планы его грандиозны, однако свершиться им мешает Русско-японская война 1905 года. Потомственный военный Накашидзе уходит на нее добровольцем, получает чин подъесаула (штаб-

Гараж «Интернациональ» в Варшаве

ротмистра), командует отрядом разведчиков 7-го Сибирского казачьего полка. И убеждается на этой войне, насколько полезны могут быть броневики. А раз так, надо действовать.

Князь сообщает командиру 1-й Маньчжурской армией генерал-адъютанту Николаю Линевицу об идее оснащения армии «неуязвимыми пулеметными автомобилями», предлагает заказать такой броневик для испытаний во фронтовых условиях. Генерал в восторге, и, заручившись его поддержкой, Михаил отправляет начальнику Штаба русских войск на Дальнем Востоке письмо, которое начинается так: «22 сего июля я имел честь получить от Вашего Превосходительства извещение о согласии Главнокомандующего на производство опыта с боевым автомобилем на мой счет. Во избежание каких бы то ни было недоразумений, прошу точно указать данные, которым должен удовлетворять автомобиль и условия его приобретения казной. Я предлагаю следующие данные...». В перечислении — те условия, которые Линевиц выдвинул к конструкции броневика. Посредничество при оформлении сделки и финансирование доставки машины Накашидзе берет на себя.

Следующий этап — уже Военное министерство. Там инициативу князя одобряют, но на таких условиях: броневик строится французами с учетом изменений и доработок, внесенных Накашидзе, однако российское министерство не гарантирует его покупки. Оно лишь оплачивает провоз автомобиля и приглашение механика фирмы для технического обслуживания машины. Обязанности шофера после доставки броневика в Маньчжурию и применения его в бою Михаил тоже берет на себя. Уладив все многочисленные формальности и, преодолев все подводные течения бессмертной российской бюрократии, князь отправляется с фронта через всю империю на станцию Александрово Варшавско-Венской железной дороги, куда должны от-

править заказ. Но когда автомобиль добирается до Санкт-Петербурга, война с японцами уже полгода как позорно завершилась. А ведь князь, на свой страх и риск, заказал еще 11 машин, которые уже официально именуются «Накашидзе-Шаррон». И шесть из них в стадии сборки...

Накашидзе пытается получить разрешение на беспошлинный ввоз в Россию остальных пяти броневиков, он готов оплачивать все расходы на перевозку и испытания, он гарантирует: «Если Военное Ведомство не пожелает их приобрести, они немедленно будут отправлены мною обратно во Францию». Но вот что сообщает в 1905 году начальник управления военных сообщений Генерального Штаба: «Подъесаул князь Накашидзе докладной запиской от 3 декабря с.г. просил о безотлагательном пропуске через таможню еще пяти таких же бронированных автомобилей, но в этой просьбе ему было отказано 8 декабря, так как предположено приобрести лишь один мотор на предмет испытания его военным ведомством».

Михаил Накашидзе в кабине своего броневика

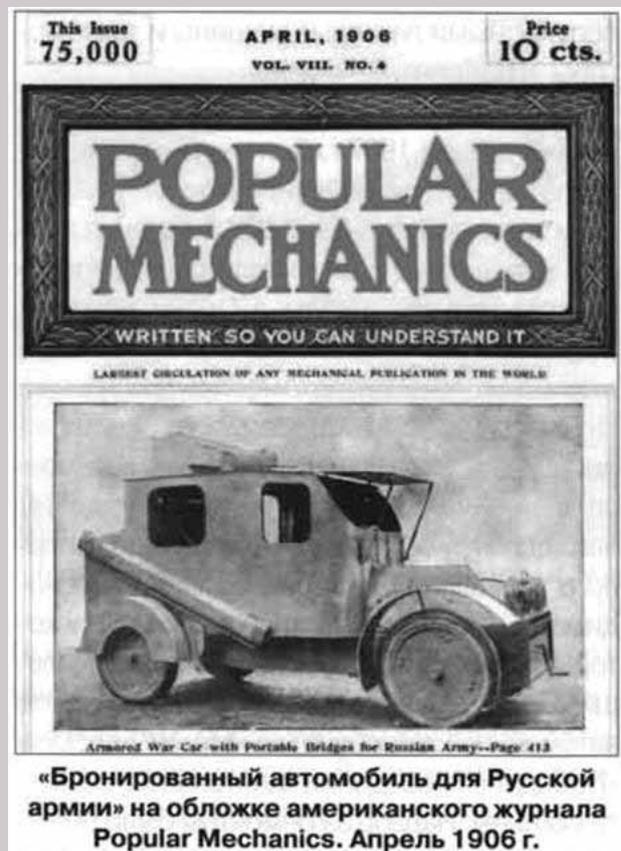
Военный министр Франции Эжен Этьен отправляет в Россию первый броневик «Накашидзе-Шаррон»

Броневик и водителя-француза привозят в Петербург лишь через четыре месяца после декабрьской просьбы Накашидзе. А в Главном артиллерийском управлении (ГАУ) для испытания новинки создается специальная комиссия под председательством авторитетнейшего специалиста – члена Артиллерийского комитета Военного министерства генерал-лейтенанта Михаила Тахтарева. С марта по май 1906 года броневик четырежды прогоняют из Петербурга в Ораниенбаум, Токсово и по другим маршрутам. Испытания пулеметной башни и обстрел брони пять раз проводятся на стрельбище Ружейного полигона Офицерской стрелковой школы. И 30 июня появляется документ под названием «Журнал комиссии при ГАУ для испытания бронированного автомобиля, снабженного пулеметом».

В нем броневик «Накашидзе-Шаррон» признается вполне пригодным для разведки, связи, борьбы с конницей и преследования отступающего противника. Но при этом называются и недостатки. Они связаны в основном с одной из исконных российских проблем – дорогами и бездорожьем, для которых у французской машины оказываются низкие маневренность и проходимость. Кроме того, слабоваты броня и вооружение. Комиссия не спешит отказываться от явно перспективного новшества, но немедленно брать его на вооружение побаивается. Ее вывод гласит: «Доставленный автомобиль не удовлетворяет некоторым условиям поставки, а потому и не может быть допущен к приему». Накашидзе не сдаётся и отправляет докладную записку начальнику Главного управления Генерального штаба генерал-лейтенанту Федору Палицину. Ведь тот не подчинен военному министру и интересуется всеми новшествами. Записка эта весьма обширна, поэтому познакомимся с ее главными положениями:

«Построенный мною автомобиль был приспособлен к условиям войны на Дальнем Востоке.

Нынешнее политическое положение на этой окраине вовсе не дает оснований предполагать, что мы не накануне новых осложнений с нашим врагом. Японское военное министерство уже два раза обращалось на наш завод с просьбой поставить ему 50 автомобилей, а комиссия китайских офицеров, приехавшая для осмотра автомобиля, сделала нам заказ на 150 автомобилей для китайского правительства. Будучи связан со мной контрактом, завод был вынужден временно отказаться от этих заказов, но если до 1 сентября с.г. я не представлю заводу от Русского Правительства заказа известного количества автомобилей... то завод будет вправе поставлять броневик кому угодно... Было бы грехом перед Родиной лишить Русскую Армию такого необходимого вида оружия, тем более, что в случае возникновения военных действий мы, за неимением автозавода, будем

«Бронированный автомобиль для Русской армии» на обложке американского журнала Popular Mechanics. Апрель 1906 г.

поставлены в невозможность получить бронированные автомобили из-за границы... В заключение считаю долгом добавить, что, идя навстречу Правительству в виду его тяжелого денежного положения, мы готовы были бы открыть в Петербурге крупный автомобильный завод».

И генерал Палицин решает продолжить испытание броневика – на маневрах во время Красносельского лагерного сбора, а князь вновь не боится рисковать, взяв на себя все расходы, связанные с участием его детища в маневрах. Но бездорожье не исчезает, броня с вооружением остаются те же,

Дача П. Столыпина после взрыва

и очередная комиссия, на этот раз возглавляемая генерал-майором Анатолием Розеншильдом фон Паулином, делает такой вывод: «Ограниченное время, данное для испытаний, а главное, весьма незначительный район маневров... при возможной скорости движения автомобиля 60 верст в час, весьма ограничивали круг его действий, а поэтому Комиссия признала, что испытания далеко не полны и желательно поставить их на более широкую ногу». Тем не менее начало отчета обнадеживающее:

«На практике выяснилось, что автомобиль весьма пригоден... для широкой разведки в тылу и на флангах противника; для прорыва с разведывательной целью сквозь цепь противника; для службы связи в сфере огня противника, особенно при значительном развитии сети путей; как удобная вышка для производства наблюдений на ровной местности... для различных вспомогательных целей при партизанских действиях; для быстрой доставки в боевые линии патронов и снарядов, а равно пополнение убыли офицеров; для преследования противника и постоянное беспокойство со всех сторон пулеметным огнем».

А затем – выводы, положившие конец надеждам Накашидзе: «Хотя комиссии поручено было высказаться о тактическом значении бронированного автомобиля, тем не менее нельзя обойти молчанием и некоторые технические стороны, существенно влияющие на тактическое применение автомобиля». И повторяется то, что было высказано предыдущей комиссией: «Бронированный автомобиль Накашидзе... получит широкое применение лишь в сфере густой сети шоссе... легко застревает в грязи, малоповоротлив на дорогах...». Есть и претензии к различным элементам конструкции. В общем, выводы обеих комиссий совпадают: в таком виде броневик не при-

В этой комнате князь Накашидзе находился во время взрыва

годен для применения в русской армии.

Накашидзе пытается модернизировать свою машину с учетом полученных замечаний. Он составляет рекламацию производителю брони, и Путиловский завод устанавливает новые листы, полученные из Франции. Модернизируются смотровые щели. Но с главной проблемой, плохой проходимость по российскому бездорожью, ничего сделать нельзя... Тем не менее конструктору выдают за его старание немалую премию – тысячу рублей, и он продолжает работать над новой, более совершенной машиной. А существующую модель, под впечатлением кровавых событий революции 1905 года, решает предложить Министерству внутренних дел – «для поддержания внутреннего порядка», выполнения полицейских и охранных задач. С этим предложением, а также с кучей различных чертежей Накашидзе и отправляется на прием к председателю Совета министров Столыпину, который совмещает этот пост с должностью главы МВД. В то время, чтобы попасть на прием к премьеру, надо было просто прийти и записаться...

Князь был уже в приемной Столыпина и ждал своей очереди, когда к даче подъехало ландо, из которого вышли два жандармских офицера с туго набитыми портфелями. Они уверенно идут к кабинету премьера, но швейцар замечает, что их каски – устаревшего образца. Вместе с начальником охраны он пытается преградить им путь, но террористы, стараясь не упустить шанс, бросают портфели с бомбами прямо у приемной. В ландо возле подъезда детонирует третья бомба... Как звали эсеров-«шахидов» для нас не имеет особого значения, но вот имена тех, кто прямо способствовал этому теракту...

Взрывные устройства изготовлены в динамитной мастерской большевистской «Боевой технической группы» Леонида Красина, будущего первого Народного комиссара внешней торговли СССР, а затем – советского полномочного представителя в Англии. Мастерская эта располагалась в московской квартире... Максима Горького. А охранял ее знаменитый боевик-налетчик Симон Тер-Петросян

– тот самый Камо, совершивший в Тифлисе кровавое ограбление банка и бежавший из Метехской тюрьмы. Такие вот «буревестники революции, борцы за народное счастье», готовые продать свою страшную продукцию кому угодно.

Среди погибших от их «изделий» – не только чиновники, военные и полицейские. Вдова статского советника с ребенком, горничная, крестьянка, няня, неустановленная женщина на 8-м месяце беременности, курьер, лакеи, официанты, харьковский мещанин, жена прапорщика запаса... А это – из записки товарища (заместителя) министра внутренних дел: «12 августа 1906 года был убит среди других явившийся к Министру с предложением для полицейских и охранных целей изобретенного им типа автомобиля штаб-ротмистр князь Михаил Александрович Накашидзе, и вместе с ним погибли все чертежи, планы, договоры с французской автомобильной компанией и прочие документы, относящиеся к его изобретению».

Каким Накашидзе видел свой новый броневик, так и осталось неизвестным. Но его друг, отставной гвардии полковник Александр Офросимов продолжает «пробивать» броневик и, в конце концов, в 1907 году военное ведомство России покупает одну машину у французов. Броневик вновь тщательно испытывали, и он снова «показал высокие скорости движения по хорошим шоссе и полное отсутствие проходимости по грязным дорогам или проселкам». Так что с него снимают броню и переделывают в обычную легковушку. Всего с 1905 по 1908 годы фирма «Шаррон» изготавливает по чертежам Накашидзе несколько броневиков, но в Россию попадают только два. Остальные не пропускает таможня Германии, а вскоре немецкая фирма «Бенц» выпускает их копии. Два броневика немцы официально покупают у французов, от-

Обелиск на месте взрыва на Аптекарском острове

правляют в одну из крепостей Восточной Пруссии и используют во время Первой мировой войны. А «Накашидзе-Шаррон», купленный французскими военными, воюет в Бельгии. Тогда каждый броневик играл большую роль в бою.

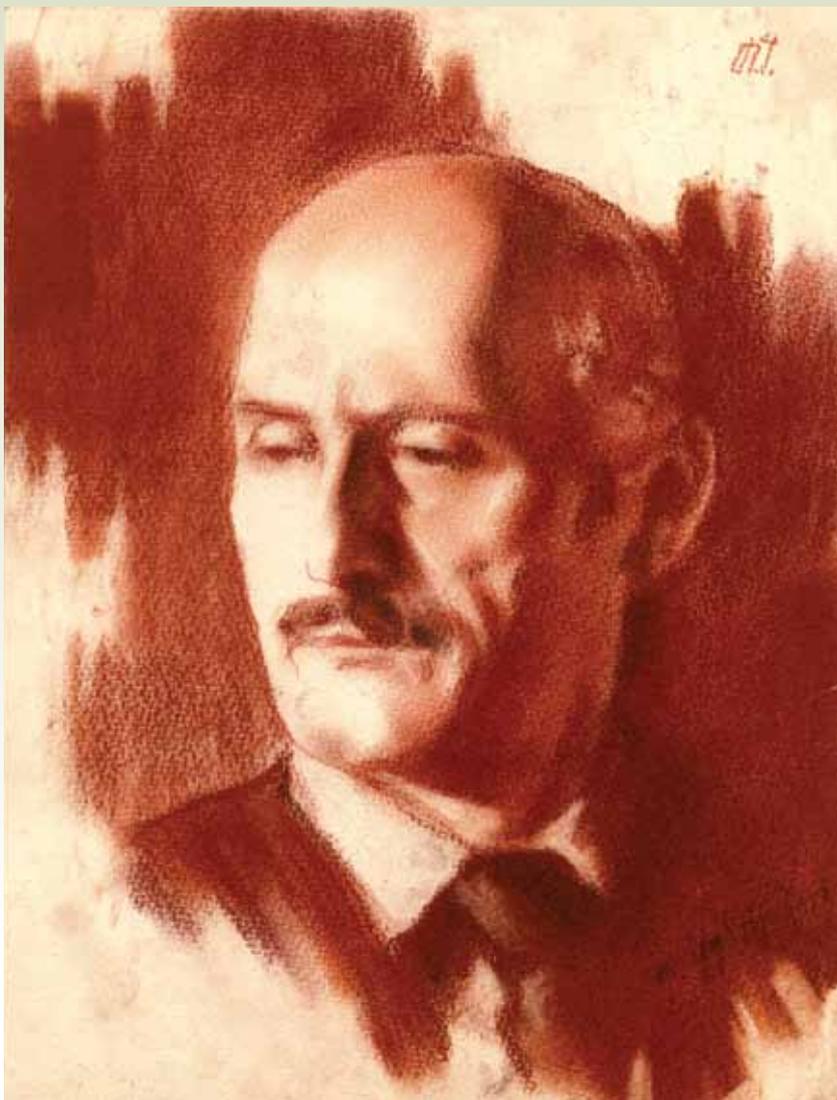
Такой интерес к машине, оказавшейся ненужной в России, понятен. Она была довольно передовой для своего времени. Именно ее технические решения стали в дальнейшем классическими: полностью бронированный корпус, вращающаяся башня с перископом, не боящиеся пуль шины. Неслучайно в отчете комиссии Розеншильда фон Паулина были «вещие» слова: «броневик имеет широкую будущность как вспомогательное средство на поле боя». Русская же армия, так и не получив собственные броневики, в годы Первой мировой войны втридорога закупала их у различных зарубежных фирм. Дураки и дороги...

Михаила Накашидзе похоронили на Никольском кладбище северной столицы. Теперь найти

его могилу трудно. Но там, где стояла злосчастная дача, разбили цветник и возвели гранитный обелиск, первый камень которого заложил Столыпин. Волею судьбы он сохранился в эпоху, когда памятники «проклятого царского режима» нещадно уничтожались. А в 1991-м на нем восстановили икону Воскресения Христова, написанную монахинями Новодевичьего монастыря, и медную мемориальную доску.

Сейчас это – единственное место, где можно почтить память конструктора-новатора Михаила Накашидзе. Не удалось найти даже отдельную фотографию князя. А как хотелось бы посмотреть на лицо человека, видевшего дальше остальных.

Т. Кубанеишвили. Портрет Г. Данелия

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

■ Марина МАМАЦАШВИЛИ

«История науки не может ограничиться развитием идей – в равной мере она должна касаться живых людей, с их особенностями, талантами, зависимостью от социальных условий, страны и эпохи... Ясно поэтому, что жизнь и деятельность передовых людей – очень важный фактор в развитии науки, а жизнеописание их является необходимой частью истории науки...».

Это слова замечательного физика Сергея Вавилова – основателя научной школы физической оптики в СССР, младшего брата выдающегося ученого-генетика Николая Вавилова. Они обращены не только к совре-

менникам, но и к потомкам, к тем, кто живет сегодня. И тем, кому дано будет шагнуть в далекое будущее. Ученых, деятелей науки, пионеров, проложивших путь к новым открытиям, забывать нельзя. Их имена, деятельность, правила жизни, поступки, мысли – своеобразная энциклопедия для всех последующих поколений.

Георгий Данелия из тех ученых, кто оставил неизгладимый след в медицинской науке и практике не только Грузии, но и за пределами страны. Воспоминания об этом неординарном, наделенном многими талантами человеке, хотелось бы начать

рассказом о его человеческой природе, о его отношениях к жизни, людям, искусству, книгам, музыке – о том, что составляло чрезвычайно насыщенную и яркую его биографию.

Как-то Томаса Эдисона попросили ответить на вопрос: Чем интересуетесь? Он ответил коротко: Всем. Есть такая категория людей, которых интересует не что-либо одно или даже многое, а все. Разносторонний и непрекращающийся интерес ко всему, мне кажется, определяется прежде всего любовью к жизни. Именно это качество характера, судя по многочисленным воспоминаниям его друзей и близких, было главным в Георгии Данелия. Он жил и занимался наукой, следуя требованиям своего «я», своей ненасытной и всепоглощающей жажде познания. Да и выбор профессии был посвящен, конечно же, жизни. Беспредельной любви жизни. Понимание причин смерти, многогранное и углубленное исследование их для патологоанатома восходит именно к борьбе за жизнь.

СЕМЬЯ

Истоки биографии каждого человека – в семье, в окружающем с детства мире, в тех семейных устоях и традициях, правилах поведения, которые закладываются с самого раннего возраста. Георгий – в семье его называли Бичико (Мальчуган по-грузински) и это имя сохранилось в кругу его близких и друзей на долгие годы – был сыном видного ученого, одного из основоположников грузинской философии XX века Серги Данелия, доктора философских и филологических наук, члена Союза писателей Грузии. Сергей Иосифович первым в Грузии разработал методологические принципы исследования истории философии. Его «Очерки по истории русской литературы XIX века» – первый систематический курс русской литературы на грузинском языке. Исследования Серги Данелия посвящены философским аспектам произведений Пуш-

Г. Данелия со своими коллегами

кина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Л.Толстого. Сергей Иосифович блестяще владел немецким, французским, английским и русским языками. Знал латынь и греческий.

Работа, настойчивость, любовь к порядку во всем, здравый смысл – для философа Серги Данелия эти понятия были важнейшими в жизни. Но главным человеческим качеством он считал порядочность. И своими поступками подтверждал эту черту. В 30-е годы XX века быт семьи философа Данелия мало чем отличался от тягот многих советских семей, хотя известность ученого вышла далеко за пределы республики. Власть предложила главе семьи переехать в новую, большую и удобную квартиру. Когда он узнал, что она принадлежала репрессированному и семья того человека была изгнана из своей квартиры, категорически отказался от предложения. Его коллега оказался менее принципиальным и переехал в тот же день.

В семье Данелия – даже в страшные годы, когда неурочный стук в дверь мог означать уход из жизни, не боялись говорить с детьми открыто обо всем. Широта мыслей, критичность к окружающему, зерна вольнодумства, присущие интеллигентам старой закалки, со

старомодно-демократическими взглядами формировали детей, понимающих реальность, но не теряющих при этом себя и врожденное чувство достоинства. Была еще в семье особая дисциплинированность и строгость. Никаких поблажек лени. Ранним утром, задолго до начала школьных занятий, надо было выучить заданное отцом и матерью вчера вечером. Это были языки – французский, немецкий и английский, литературные произведения и... еще много чего, всего не перечислишь.

Мать – Людмила Ражденевна Цинцадзе окончила Высшие Бестужевские курсы, словесно-исторический факультет. Она была одним из лучших в Тбилиси преподавателей русского языка и литературы, знающим и очень требовательным. Ее ученики и уж, конечно, сыновья, должны были знать наизусть шедевры русской (и не только русской) поэзии. Людмила Цинцадзе была награждена орденом Ленина, в те годы самой высокой и престижной наградой. Пожалуй, стоит вспомнить, что бестужевки, которых в Грузии было не так много, отличались особым складом характера. Какие трудности и какие лишения надо было пройти молодой девушке из гурийского села, чтобы получить высшее образование в

Петербурге. Какой стойкостью надо было обладать, чтобы все преодолеть и убедить и окружающих, и себя прежде всего, что только труд и настойчивость приносят желаемый результат.

Способность мгновенно откликаться на интересные идеи и умение делиться полученными знаниями – таковы были отличительные черты этой семьи. И рассказывая об укладе жизни, понимаешь, что твердые семейные правила заложили фундамент личности Георгия Данелия, вошли в основу его характера.

Среди записей уже зрелого человека, известного медика встретились вот такая: «Запомнились с детства на всю жизнь слова Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». И дерзновенная сила этих слов всегда сопутствовала и помогала мне и в жизни, и в творчестве; не сдавался ни при каких трудностях, боролся до победного конца!»

ПРОФЕССИЯ

Помимо знаний, которые Георгий вместе с братом Александром (тоже в будущем медиком) приобретал в семье и школе, у него были и способности, которые вполне могли стать его будущей профессией. Во-первых, музыкальность. Георгий с его великолепным музыкальным слухом играл на скрипке и фортепиано. Но с годами самым любимым инструментом стала гитара. Во-вторых, рисование. Он прекрасно рисовал с детства. И после окончания школы поступил в Академию художеств. Казалось бы, выбор профессии определен. Но старший брат избрал медицину. И, можно предположить, что его рассказы, его окружение сыграло свою роль. И Георгий решает идти по стопам брата.

В 1946 году Георгий Данелия окончил лечебный факультет Тбилисского медицинского института. Учился он очень хорошо, как и все, что делал всегда. С аспирантурой вопросов не было, только размышления о выборе специализации. И тут

решающую роль сыграл авторитет крупного ученого Владимира Жгенти. Заведующий кафедрой патологической анатомии, доктор медицины, академик, заслуженный деятель науки Грузинской ССР в 1943 году основал и до конца жизни был руководителем Научного общества патологоанатомов Грузии. Это общество до сих пор носит его имя. Владимир Жгенти был автором нескольких учебников по патологической анатомии и биографических очерков об ученых-медиках, участвовал в разработке научной медицинской терминологии на грузинском языке. Его внимание к дисциплинированному и способному студенту было логичным и оправданным.

То, что патологическая анатомия является одной из основных медицинских дисциплин, Данелия понял еще будучи студентом, а вот философскую составляющую этой особенной дисциплины осознал, работая вначале над кандидатской, а затем докторской диссертациями. Путь к

Г. Данелия с любимой гитарой

этим двум научным вершинам был насыщен плодотворной и самоотверженной работой. Его диссертации, по мнению специалистов, создали новый этап в перинатальной морфологии.

Вот только один эпизод из этого периода. Георгий Данелия в Москве принимал участие в заседании медиков, среди которых были антропологи. Вел его академик Илья Аршавский – известный физиолог. После доклада одного из участников слово взял Данелия. Его выступление было очень критичным и сопровождалось обширной доказательной базой. Посыпались вопросы, можно сказать, шквал. Данелия парировал их так мастерски, что Аршавский не мог скрыть своего восторга. И в конце заседания молодой ученый из Грузии получил от Аршавского из его лаборатории «царский» по тем временам подарок: животных на весь год для научных исследований.

Свою докторскую диссертацию Георгий Сергеевич защищал в Москве, в Академии медицинских наук. На защите было многолюдно. Среди присутствующих были академики, профессора, представители разных сфер медицинской науки. Когда диссертант завершил выступление, его научный консультант, профессор, патоморфолог-педиатр Елена Тер-Григорова сообщила, что оппоненты и медики могут задавать свои вопросы не только на русском, но и на немецком, английском и французском языках.

А вот что рассказал его коллега профессор Теймураз Джорбенадзе: «В конце 70-х годов прошлого века в городе Иваново проходил очередной съезд патологоанатомов Советского Союза. По окончании заседания в ресторане, за ужином, собрались не только медики. Зашел разговор о литературе. Георгий Сергеевич очаровал собеседников не только своим красноречием, но и блестящим, можно сказать, профессиональным знанием как русских, так и европейских литературных

шедевров. Один из присутствующих был убежден, что Данелия – литературовед. И очень удивился, когда узнал, кто он по профессии».

Вчитываясь в рецензии на его многолетние труды и понимая, насколько сложно для неспециализированного издания приводить полностью всю медицинскую терминологию, остановлюсь на главном – почти во всех отзывах есть слово «первый». Г. Данелия первым провел морфометрические исследования..., первым обратил внимание на индивидуальные особенности..., первым представил морфологические эквиваленты..., первым составил соответствующие различным перинатальным патологиям патогенезные схемы. Данные его морфологических исследований легли в основу обоснования теории женской патологии..., диагностики, разработки методов лечения. За эту работу Данелия (вместе с группой ученых) был удостоен Государственной премии.

Георгий Сергеевич – пионер внедрения практики и теории патологоанатомической службы в Грузии. Он первым в бывшем Советском Союзе разработал и внедрил протокол патологоанатомического исследования плода и новорожденного. Сфера научных интересов Г.С. Данелия охватывает практически всю область патологической анатомии. Он автор более 300 научных трудов, известных как в Грузии, так и за пределами страны. Клинико-анатомические конференции, проводимые под его руководством, были настоящей школой профессионального роста клиницистов Грузии. Академик Данелия, заслуженный деятель науки, кавалер Ордена Чести воспитал 8 докторов и 34 кандидата медицинских наук. Среди его благодарных учеников не только патологоанатомы, но и гистологи и цитологи Грузии.

В 2003 году министр здравоохранения Грузии Амиран Гамкредидзе, поздравляя Георгия Данелия с 80-летним юбилеем,

подчеркнул: « Вы... справедли- во утвердили за собой почетное имя основоположника перина- тальной патологии не только в Грузии, но и за ее пределами».

За три месяца до 90-летнего юбилея Георгия Сергеевича не стало. Коллеги, ученики, друзья подготовили сборник, посвященный его памяти. Он открыва- ется статьей, опубликованной к 85-летнему юбилею ученого. Называется она коротко и емко – «Суперпрофессионал».

ЛИНИЯ ГОРИЗОНТА

Есть люди, которые всю жизнь как бы идут к линии гори- зонта. Она отдалается, а их это только вдохновляет. Данелия с его многосторонними способ- ностями и интересами был из этой породы творчески активных людей. Слушая рассказы о нем, вчитываясь в воспоминания людей, близко его знавших, пони- маешь, что он неустанно, но с удивительной и поистине ар- тистической легкостью набирал высоту в профессии.

Когда он играл на гитаре и пел, в высшие минуты вдохнове- ния, он был музыкантом. Когда он читал любимые стихи, а их он знал несчетное количество и сам сочинял, он был поэтом. Когда он рисовал, а это было действи- тельно профессионально, он был художником.

«Еще на рассвете перинато- логии уважаемый Георгий Сер- геевич создал и ввел в оборот грузинского языка терминологию методологии патологоана- томического изучения человече- ского плода и новорожденного», – это слова академика Палико Кинтраиа.

«Бичико отличался осо- бенной жизнерадостностью, был мастером выстраивания человеческих взаимоотноше- ний, всегда стремился к возвы- шенному и прекрасному, умел создавать в любом обществе праздничное настроение. Би- чико я бы сравнил с натянутым луком, стоило прикоснуться к тетиве и он молниеносно взле- тал высоко, высоко в небо – на радость нам...», – сказал его

коллега, профессор Ивериели.

«Георгий Сергеевич был ге- нератором новых идей, своим новаторским и оригинальным подходом к изучаемым пробле- мам обладал явным преимуще- ством перед многими выдающи- мися учеными», – так охаракте- ризовала своего учителя доктор медицинских наук М. Паилодзе.

Он прожил большую жизнь. До конца дней – почти 64 года – руководил патоморфологиче- ским отделением Научно-иссле- довательского института перина- тальной медицины, акушерства и гинекологии им. академика К. Чачава.

Долгие и, как она мне сама сказала, счастливые годы рядом с ним была его супруга Бела Ми- хайловна Григолашвили. Исто- рия их женитьбы тоже была не- ординарной. Бела Михайловна работала над докторской дис- сертацией. Это было в Москве, остановилась она у своего род- ственника. Он заботился о ней, как мог и очень переживал, видя, что она дни и ночи прово- дит с книгами за письменным столом. Как-то вечером он ска- зал, что у него для нее есть на примете человек, который, как и она, обожает книги. И если случится его потерять, найти его можно будет только среди книг. Бела Михайловна тогда от души посмеялась над этой фра- зой. Однако родственник свое слово сдержал. И два книгочея довольно скоро соединили свои судьбы.

Георгий Данелия оставил после себя не только научные работы, множество рисунков, стихов, но и записи о необъят- ном количестве прочитанных книгах, с интереснейшими раз- мышлениями, которые возни- кали у него в процессе чтения.

И еще много метких и му- дрых мыслей о своей профес- сии:

«Патологическая анатомия, как тысячеглазый аргус, кото- рый фиксирует характер пато- логии и выявляет ошибки вра- чей».

«Патоморфология – это со- лидарность со святой истиной

Рисунок Г. Данелия
«Дон Кихот и Санчо Панса»

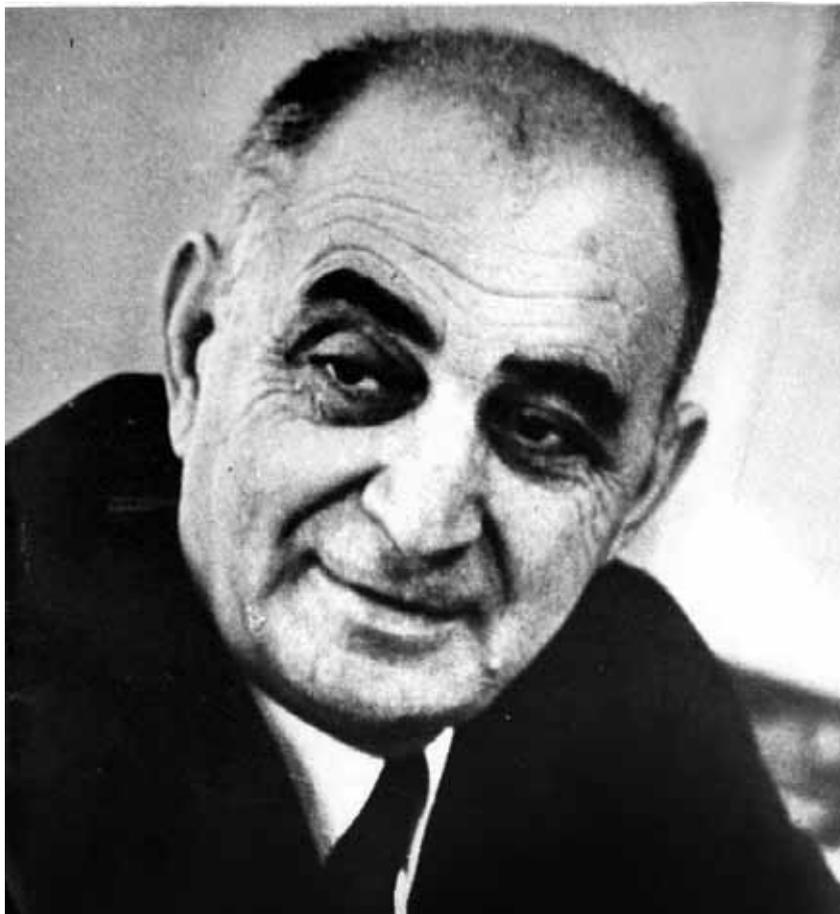
в интересах клиники на высо- ких принципах коллегиально- сти (без предвзятости, прими- рительства и конфронтации), с пониманием того, что правде всегда надо смотреть в глаза, и врачебные ошибки, даже са- мые досадные, не утаивать, а исправлять, отбросив корыст- ные интересы и честолюбивые амбиции».

«Как самолету нужна взлет- ная площадка, так и новой идее нужен общий уровень науки, иначе эта идея не родится, и уж подавно, даже в случае ее появления, не привьется».

«Если мои труды в подавля- ющем большинстве случаев не открытия, по моему глубокому убеждению, они так или иначе, в какой-то степени разрыхля- ют почву и сдабривают ее для дальнейших исканий».

«По большому счету – че- ловек живет для того дела, ко- торому служит и для добра к окружающим».

Георгий Данелия именно так и прожил. В апреле нынеш- него года замечательному уче- ному и талантливому человеку исполнилось бы 95 лет.

АНАТОЛИЙ КАЧАРАВА – рыцарь морских просторов

■ Леван ДОЛИДЗЕ

Легендарный капитан дальнего плавания Анатолий Алексеевич Качарава, чье имя еще при жизни стало символом высочайшего морского профессионализма, родился у самого синего моря – в Сухуми. Свое последнее пристанище нашел в Батуми. Вся его жизнь была связана с морем. А главный бой в своей жизни он принял в ледяных водах Карского моря на севере в годы Второй мировой войны. 1910 – год рождения, 1982 – год кончины. Между этими датами вся его богатая на неординарные события жизнь, которую если разложить по полкам, то аккуратная бухгалтерская точность, последовательность явно нарушается, ибо жизнь и деятельность нашего легендарного земляка-мореходца напоминает не спокойно текущий ручей, а бурный поток, который разбивается о скалы и все же находит

свое русло.

Анатолий Качарава, слава о котором гремела в свое время во всех уголках некогда огромной страны под названием СССР и далеко за пределами, был 35 лет назад похоронен за внешним периметром знаменитой Батумской мореходки в небольшом скверике, выпускники которой по установившейся тогда традиции давали клятву капитану-легенде свято чтить писанные и неписанные морские законы.

После краха советской империи многое изменилось. В последние годы, бывая в Батуми, я каждый раз посещал сквер. С грустью и болью я смотрел на запущенное захоронение. Собираясь написать о нашем прославленном земляке, затронуть и эту деликатную тему. Хотя не переставал говорить об этом с теми, от кого дело могло сдви-

нуться с мертвой точки...

И все же справедливость возторжествовала! Помощь, внимание и доброта пришли оттуда, откуда ее никто из нас не ждал, издали, из... Ямало-Ненецкого автономного округа Российской Федерации. И извещает об этом небольшая дощечка на стволе старой сосны возле самой могилы Анатолия Качарава. Позволю себе привести ее текст полностью: «Реконструкция могилы осуществлена в 2017 году по поручению губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Дмитрия Николаевича Кобылкина при организационном содействии общественных организаций «Международный Союз – Русское общество «Соотечественники» Томаш Г. и российской диаспоры Аджарской автономной республики некоммерческой организации Фонд «Сотрудничество Ямала» и общества с ограниченной ответственностью «Фертоинг», а также на пожертвования жителей Ямало-Ненецкого автономного округа в память о капитане ледокольного парохода «Александр Сибиряков» Анатолии Алексеевиче Качарава». Полностью проведена реабилитация последнего пристанища нашего именитого земляка. Установлен на постаменте бюст А.А. Качарава, высажены цветы, обновлена мраморная облицовка мемориала...

Отрадно, что сделано большое и полезное дело именно в 2017 году, когда исполнилось 75 лет со дня героического подвига ледокола «Александр Сибиряков», 50 лет со дня создания Грузинского морского пароходства и 35 лет со дня кончины легендарного капитана дальнего плавания Анатолия Качарава. Приятно и то, что в этом году Батуми посетил рекордное количество туристов, большинство из России и других бывших союзных республик СССР. Многие из них останавливаются у знаменитой Батумской мореходки, носящей ныне название – Батумская государственная морская академия – единственный в Грузии вуз, на базе которого готовятся кадры для

гражданского и Военно-морского флота Грузии. Останавливаются туристы и возле обновленной могилы Анатолия Качарава, фотографируются на память у мемориальной мраморной доски с надписью: «Здесь покоится легендарный капитан дальнего плавания, храбрый боец и командир, участник Второй мировой войны, основатель и начальник Грузинского морского пароходства (1967-1982) Анатолий Алексеевич Качарава: 1910-1982».

И прежде чем перейти к рассказу о нашем именитом капитане Качарава, хочу особо подчеркнуть проблему: могилы некоторых представителей старшего поколения, так много сделавших для прославления Грузии и ее народа, сегодня остро нуждаются в уходе.

После окончания восьмилетки в Сухуми, а затем индустриального техникума 17-летний А. Качарава стал матросом шхуны «Лев Пинчук» в Сухумском порту, а чуть позже его переводят в Батуми на буксирный катер «Шалва Элиава». Без моря, которое стало его вторым домом, Анатолий себя не мыслил. Затем Херсонское мореходное училище, практика на рыболовных судах на Дальнем Востоке, Крайнем Севере. Для усовершенствования своих знаний он оканчивает Владивостокское морское училище и получает звание штурмана дальнего плавания, непосредственно участвует в выполнении сложных задач по освоению Севера. Именно тогда и свела судьба Анатолия Качарава со знаменитым на весь Советский Союз И.Д. Папаниным, который руководил всеми работами по освоению Севера. Папанину импонировал способный молодой грузин, который на лету усваивал сложную математику сурового Севера и пользовался у моряков-северофлотцев особой популярностью и морской надежностью. А это на Севере много значило. Так что два усатых южанина-черноморца – Папанин был рожден в Севастополе – быстро нашли общий язык. Качарава боготворил своего старшего друга, опытного

Ледокол «Сибиряков»

наставника и справедливого начальника.

И.Д. Папанин в 1939-46 гг. был начальником Главсевморпути, одновременно являясь в годы Великой Отечественной войны уполномоченным Госкомитета обороны (ГКО) по перевозкам на Севере. Он пользовался большим авторитетом у И.В. Сталина, что впоследствии сыграло решающую роль в нелегкой судьбе Анатолия Качарава.

...Война с Германией спутала все планы молодого грузинского моряка, который выполнял сложные задачи по освоению Севера уже в ранге капитана ледокола «Александр Сибиряков», приписанного к Мурманскому морскому пароходству. Здесь, в суровых условиях Севера, пробил звездный и трагический час грузинского капитана. В августе 1941 года «Сибиряков» вошел в состав ледокольного отряда Беломорской военной флотилии. Тогда же 32-летнему капитану ледокола А. Качарава было присвоено воинское звание «старший лейтенант». Секретная нацистская операция по парализации движения на Северном морском пути как минимум до навигации получила красивое название «Wunderland» («Страна чудес» – нем.) и началась 08.08.42. 16.08.42 крейсер «Адмирал Шеер» начал секретный поход к базам Северного морского пути, где спустя восемь дней встретил свою первую добычу – ледокол «Сибиряков».

Исход поединка у нацистского капитана сомнений не вызывал. Командир «Адмирала Шеера» планировал захватить данные о ледовой обстановке и движении конвоя на советском судне. А для того, чтобы экипаж «Сибирякова» не уничтожил документы, немцы решили пойти на хитрость – крейсер развернулся на противника носом, чтобы скрыть характерный профиль, и поднял флаг США. Затем, после взаимного обнаружения, с борта рейдера сигналом прожектора был сделан первый запрос, причем по-русски: «Кто вы? Куда направляетесь? Подойдите ближе».

Однако А. Качарава провести было не так просто. Он быстро разгадал фашистскую хитрость. На крейсере взвился боевой флаг «Кригсмарине». Это послужило поводом к началу боя. На требование сдаться без боя, опустить флаг капитан А. Качарава отдает приказ: «Биться до последнего снаряда! Орудия к бою!» Качарава предвидел неизбежный исход боя. Силы были слишком неравны: хорошо вооруженный крейсер против слабого ледокола. Поэтому заранее приказал старшему механику и своему заместителю по политчасти в критический момент открыть кингстоны, пустить потоки воды в трюм, чтобы «Сибиряков» ушел на дно с неспущенным флагом и всеми судовыми документами.

Не так давно, в 2009 году, стали достоянием общественности

снимки, сделанные с немецкого крейсера «Адмирал Шеер». На них виден объятый огнем и огромными черными клубами дыма «Сибиряков». «Мы были удивлены сопротивлением русского судна. Самим его фактом. Ведь моряки были обречены, никаких шансов у них не было», – вспоминал впоследствии один из участников этого боя». Жаль, что при жизни не довелось увидеть эти ужасающие снимки и признания противника Анатолию Качараву.

Неравный бой продолжался больше часа. Из 104 человек экипажа «Сибирякова» в живых осталось 18 моряков. Сам Качараву в бессознательном состоянии, тяжелораненный был перенесен в шлюпку его подчиненными. До последнего момента пушка на корме ледокола продолжала огонь! Героический «Сибиряков», прозванный впоследствии «полярным «Варягом», ушел в пучину ледяного моря. На судне остался лишь политрук – капитан 3 ранга Зеллик Абрамович Элимелаш, верный и надежный друг Анатолия Качараву. Он утонул вместе с кораблем на виду у всех, у поднятого флага... Расстрелянный в упор, но не покоренный ледокол

«Сибиряков» ушел на дно, чтобы спустя время воскреснуть в истории ВМФ СССР под героическим именем «полярного «Варяга». Сегодня его именем назван остров на Севере России, а также пролив в районе Диксона на Северном Ледовитом океане.

Экипаж ледокола «Сибиряков», с которого своевременно были посланы командования радиосообщения, сделал главное – заставил командование советского ВМФ поверить в присутствие фашистского боевого корабля в Карском море, о чем никто не подозревал. И караваны в то время ходили почти без охраны и прикрытия. Командующий в те годы Северным флотом адмирал Арсений Головкин и начальник Главсевморпути Иван Папанин благодаря Анатолию Качараву спасли в те дни немало советских кораблей.

Шлюпка с тяжелораненым капитаном Качараву вскоре была захвачена немцами. Боевые друзья так и не выдали своего любимого капитана. Затем плен, концлагерь, провокатор, который выдал боевого капитана. Попытки склонить его на свою сторону, однако нацисты ничего не добились. Анатолий Качараву прошел весь этот ад и под конец войны, когда фашисты вели его вместе с другими военнопленными 10 марта 1945 года на расстрел, был спасен советскими войсками. Ну а потом был советский плен, допросы совет-

ской контрразведки, однако компромата найти так и не удалось. О его мужестве в плену рассказали оставшиеся в живых члены его экипажа. Однако вопрос освобождения Качараву так и не решался.

Все это время ни на минуту не забывали потрясающий по своему героизму и самопожертвованию поступок своего подчиненного и верного друга И.Д. Папанин и А.Г. Головкин. Их целью было – спасти Качараву и вернуть ему славное имя героя. Вскоре после Парада Победы в приемную И.В. Сталина вошел дважды Герой Советского Союза, знаменитый полярник, контр-адмирал Папанин. В беседе Иван Дмитриевич упомянул капитана Качараву. Сталин, выслушав своего любимца, глядя в глаза Папанину, спросил: «А вы верите в героизм Качараву и его верность Родине?» – «В верности и преданности Качараву уверен безусловно и безоголосно», – ответил Папанин. Сталин, вызвав Поскребышева, приказал доставить Качараву в Кремль. Вождю понравился грузинский капитан, и он благословил его службу на флоте.

И вот в январе 1946 года Анатолий Качараву в составе советской госкомиссии принимает активное участие в Германии по приему репарационного флота, а затем выполняет другие поручения. Потом снова служба на Севере. На капитанском мостике ледокола «Илья Муромец», «Леваневский», «Байкал» А. Качараву более десяти лет бороздил необъятные просторы Севера. В 1961 году грузинский капитан после окончания Ленинградского высшего морского училища им. адмирала Макарова назначается на пассажирское судно «Тбилиси». Избороздив десятки тысяч миль морских и океанских просторов планеты безаварийно один из лучших в СССР капитанов дальнего плавания А.А. Качараву заслужил всенародную любовь, признание и... неофициальный титул рыцаря морей и океанов. Увенчанный наградами, всеобщей славой он оставался скромным и простым тружени-

ком моря. Правда, боевой орденом за подвиг в годы войны ему вручили лишь в 1963 году.

В марте 1967 года Анатолий Качарава возглавил свое детище – Грузинское морское пароходство. Именно в те годы Грузия полноправно превратилась в морскую державу. Готовя данный материал, я встретил в Батуми бывалого моряка Роланда Девадзе – капитана дальнего плавания, который с радостью и огромным уважением вспоминал годы, проведенные с Анатолием Качарава.

«На одном из первых совещаний, – вспоминает коренной батумец Роланд Девадзе, – Качарава сказал, что сейчас у нас всего 13 небольших и довольно старых судов. Их нам передали Каспийское и другие пароходства СССР. Но мы добьемся, чтобы у нас было 50 современных судов. Это – моя мечта! Мы построим жилые дома для моряков и наших сотрудников, реконструируем порты, оснастим их техникой, здание пароходства переделаем...». Тогда всем присутствующим казалось все это фантастикой. Однако, к началу восьмидесятых годов Грузинское морское пароходство по регистрационным документам насчитывало 52 первоклассных судна, которые были построены на судостроительных заводах Финляндии, Югославии, Германии, СССР и др. Кстати, океанский танкер «Капитан Качарава» был построен в Югославии. Он был вторым в этой серии. Первый подобный танкер получил название «Иосиф Броз Тито». В разных уголках мира бороздили моря и океаны первоклассные суда Грузинского морского пароходства – танкеры, рудовозы, сухогрузы, названные в честь прославленных наших земляков Героев Советского Союза – «Генерал Леселидзе», «Генерал Чанчибадзе», «Генерал Мерквиладзе», «Капитан Гогитидзе», «Георгий Леонидзе» и др. «Выпестованный легендарным капитаном А.А. Качарава, – вспоминает Р.П. Девадзе, – грузинский флот в течение пяти лет удерживал пальму первенства

Нато Вачнадзе, Анатолий Качарава и Серго Цинцадзе

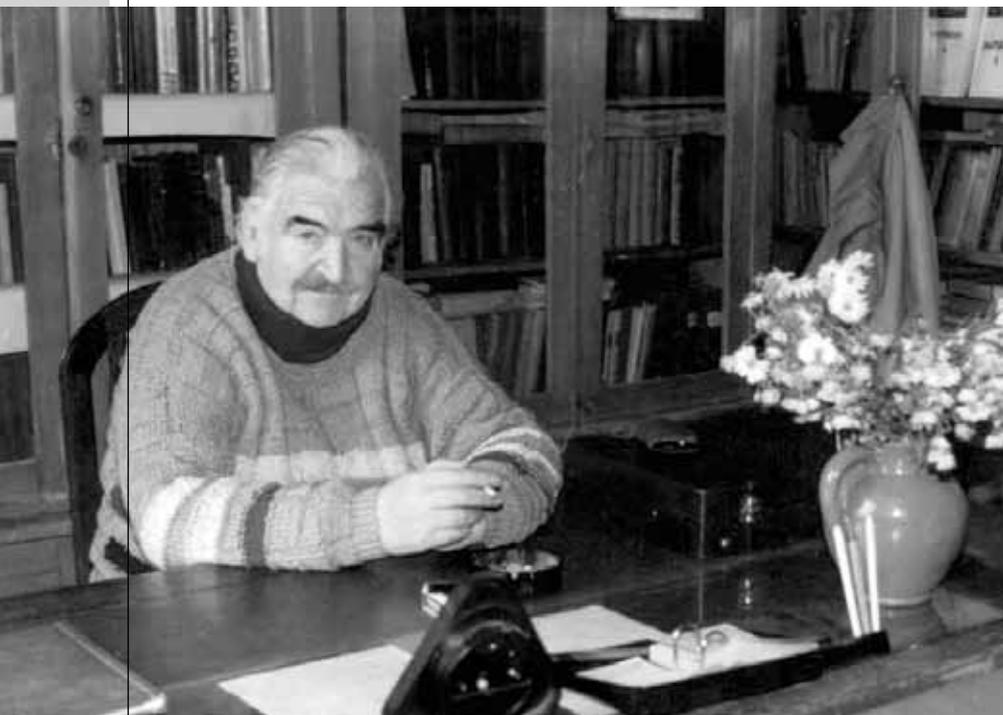
по выполнению плана перевозок среди 14 подобных коллективов в СССР. Анатолий Качарава совершил чудо, претворив в жизнь почти все им задуманное...». Кстати, бывалый капитан Роланд Девадзе и сегодня преподает в Батумской морской академии, оставаясь верным заветам А. Качарава.

Нелегкая жизнь, пройденное и пережитое давали о себе знать все чаще, но бывалый моряк достойно переносил тяготы. И в этом ему опорой была его верная супруга Нази Яковлевна Чеишвили, которая долгие годы преподавала английский язык в Батумской мореходке. Кстати, Анатолий Качарава, помимо грузинского и русского, в совершенстве знал английский, неплохо говорил и по-немецки. Вот всего один штрих, характеризующий супругу именитого капитана. В канун 70-летия со дня его рождения Нази Яковлевна повесила на видном месте уникального домашнего музея прекрасный исполненный чеканный портрет Нато Вачнадзе. Да, несравненная киноактриса и первая красавица Грузии Нато Вачнадзе была первой супругой Анатолия Качарава. Глядя на портрет, рыцарь морских просторов, возможно, не раз вспоминал их встречу. Однажды, будучи в Италии, он случайно узнал, что там находится звезда грузинского кино Нато Вачнадзе. После концерта Анатолий Качарава преподнес Нато

букет белоснежных роз и... признался ей в любви, которую долгие годы носил в своем сердце. Вскоре они поженились. Но судьба отвела им слишком короткое время. В июне 1953 года любимица советской публики трагически погибла в авиакатастрофе...

В мае 1982 года Анатолия Качарава не стало. Коренные батумцы супруги Пашковы в беседе со мной вспомнили эти дни.

– Мой супруг, Анатолий Егорович, – начальник вычислительного центра ГМП и я, сотрудница радицентра, – рассказывает Алла Васильевна, – проработали с Анатолием Качарава с первого и до последнего дня. Это был человек необыкновенного обаяния, неумолимой энергии, в высшей степени справедливый и внимательный ко всем своим сотрудникам. При нем мы получили квартиру, при нем были высокие зарплаты, премии... Когда его хоронили, акватория Батумского порта была полна судами, там стоял и танкер «Анатолий Качарава». Я и мои коллеги не успевали получать радиотелеграммы соболезнования со всех концов СССР. Прощальными гудками корабли выражали свое уважение и восхищение легендарному капитану. Таких людей народ не забывает. Анатолий Качарава вечно в наших сердцах!

Игорь Семенович Богомолов

НАСЛЕДИЕ ИГОРЯ БОГОМОЛОВА

■ Мария ФИЛИНА

Игорю Семеновичу Богомолову исполнилось бы 86. Мне довелось поздравлять его с юбилеями и писать прощальное слово пятнадцать лет назад, после его внезапного ухода из жизни. Казалось, это было недавно, но пронеслись годы, насыщенные, драматические, с полной переоценкой ценностей. И сейчас хочется не просто вспомнить ученого и учителя, но осмыслить его наследие. Достаточно перечислить регалии и прочесть список трудов профессора Богомолова, ставшего доктором наук в 36 лет, чтобы поразиться, сколько же ему удалось в жизни, сколь многогранным он был. Академик Литературоведческой академии и Академии образовательных наук Грузии, почетный член Французской ассоциации «Друзья Льва Толстого» и Международного общества пушкинистов, член Общенационального творческого союза писателей

Грузии, руководитель и основоположник Русского культурно-просветительского общества Грузии. Он был в разное время депутатом Парламента Грузии, членом и председателем многих комиссий, членом Совета соотечественников при Государственной Думе Российской Федерации. Профессор Богомолов был награжден грузинским Орденом Чести, юбилейной медалью А.С. Пушкина, дипломами ЮНЕСКО и Международной пушкинской ассамблеи. За этими наградами – этапы пути исследователя, педагога и общественного деятеля.

Совершенно очевидно, что наследие писателей и ученых, работавших в советские времена, в последние десятилетия подвергается пересмотру. К сожалению, этот пересмотр обрел крайние формы. Если раньше было принято цитировать классиков марксизма, то ныне принято ругать все, что создано в

эпоху СССР. Ни у кого нет сомнений, что И. Богомолов был крупнейшей фигурой в своей области. Он был признан и вызывал всеобщее уважение. Да, Игорь Семенович был полностью включен в литературный процесс своего времени, был одним из руководителей Союза писателей Грузии. Всем, кто занимался современной литературой, приходилось считаться с требованиями времени, порой сиюминутными, но это был учет ситуации сперва послесталинской поры, потом долгих лет застоя, и наконец – эпохи разрушения и трансформации. Обращение к наследию ученых требует тонкого понимания контекста литературной и общественной жизни, иначе можно впасть в «черно-белую» оценку, в «эквилибристику» терминами и понятиями без учета атмосферы и живого потока жизни.

В то время, когда создавались основные труды И.С. Богомолова, уже не было откровенных репрессий, они касались лишь явных диссидентов. Грузия оказалась в особом положении. Почти не встречались идейно одержимые партийные идеологи, искренне верившие в построение коммунизма. Тем не менее цензура бдила, но среди тех ученых, с которыми мне довелось работать (это касается не только грузинских, но и ленинградских и московских), большая часть настолько ощущала границы дозволенного, что цензуре мало оставалось для вычеркивания. Возникли некие правила игры. Это не означало, что давления не было. Но в Грузии в отделе идеологии ЦК партии, помимо собственно чиновников, оказывались и ученые. Возникла целая система «реверансов» с блестяще разработанным эзоповым языком. Писатели, да и читатели обладали весьма «тренированными мозгами». В ситуации мнимого признания идей марксизма-ленинизма и идеи дружбы народов развивалась серьезная наука.

Игорь Богомолов с юности

Тбилисский государственный университет

отличался солидными исследованиями. Курсовую работу студента второго курса высоко отметил наш общий учитель, профессор В.С. Шадури, никогда не раздававший всуе щедрых оценок: «...даже самый придирчивый критик затруднится указать в ней на какие-нибудь существенные недостатки и промахи. Автор взял совершенно конкретную тему и дал ее всесторонний, причем исчерпывающий анализ, проявив при этом прекрасное знание как драматургии Гоголя, так и вообще театрального искусства, а также похвальную самостоятельность в рассмотрении вопросов и хороший литературный вкус».

Сфера интересов будущего исследователя определилась еще в студенческие годы: взаимосвязи литератур, в первую очередь русской и грузинской. Когда-то Георгий Леонидзе, которого Игорь Богомолов также считал своим учителем, в то время директор Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН Грузии, назвал молодого аспиранта «связистом». Это полушутливое

определение поэта-академика оказалось весьма емким. Действительно, Игорь Семенович посвятил свои основные труды и значительную часть деятельности взаимному сплетению разных национальных литератур.

Изучение пересечения писательских миров и судеб в 1950-1980-е годы стало одной из ведущих проблем литературоведения, оно обрело все новые грани, расширялись и фактическая сторона изысканий, и теоретическое осмысление. Грузинская школа изучения взаимосвязи литератур и шире – различных национальных культур – была одной из ведущих. Ее традиции определялись яркими творческими контактами грузинских деятелей культуры с вершинными фигурами иных культур, особым местом Грузии в судьбе и творчестве многих писателей. Игорю Богомолову было дано сказать в этой области новое слово.

Назовем лишь несколько из 22-х его книг: «Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей (Я. Полон-

ский)», «Григол Орбелиани и русская культура», «Александр Чавчавадзе и русская культура», «Грузия в поэзии Павла Антокольского», «Из истории грузино-русских литературных взаимосвязей (первая половина XIX века)»... В монографии «Тропую дружбы» рассмотрены взаимосвязи грузинской и русской культур, дан обзор русской периодики в Грузии XIX века. Ученый обратил внимание на то, что изучение русско-грузинских взаимосвязей часто ограничивалось влиянием русской литературы на грузинскую. Однако само понятие «взаимосвязь» подразумевает двустороннюю направленность. Именно И. Богомолов стал у истоков интенсивного изучения «обратной связи». Многие ученые того времени обращались к древней словесности и литературе XIX столетия – в изучении давно ушедших явлений было меньше опасности открытого идеологического давления. На материале прошлого говорили о современности. И Богомолов доказывал, что писатели не только с благодарностью «бра-

ли», но и щедро «отдавали», в чем, собственно, и заключается суть процесса взаимообогащения.

Но публицистический и общественный дар молодого ученого направлял его к современности. И. Богомолу доводилось участвовать во многих Днях культуры и литературы, в заседаниях Союза писателей, в редактировании журналов. Это позволило завести обширные связи по всему СССР. Совершенное знание русского и грузинского языков, исследуемого материала придало его работам особую глубину. После появления монографии ученого «Важа Пшавела и русская действительность» стало очевидным: грузинский гений, погруженный в национальную стихию, имеет весьма значительные типологические связи и параллели в русской культуре, что по-иному высвечивает некоторые грани его наследия.

Многие работы И. Богомолова выходят за рамки собственно литературоведческого анализа и имеют общекультурное значение. Представив широкую панораму взаимосвязей грузинской словесности с литературами народов ближнего и дальнего зарубежья, проанализировав огромный фактический матери-

ал по оценке грузинской литературы зарубежными писателями и критиками, ученый создал синтетическую картину грузинской литературы в ее восприятии мировой культурой. Правда, в данном случае надо иметь в виду, в первую очередь, культуру народов СССР, хотя в работах Богомолова есть выход и на зарубежные контакты. Но в этом была не его вина – «железный занавес» открывался долго и со скрежетом, литературы взаимодействовали, в основном, в рамках СССР. Это вынужденное ограничение, но не будем отрицать – масштаб страны был огромен. И никто, кроме И.С. Богомолова не составил столь полной картины связей современной ему грузинской литературы с литературами всех союзных республик. Вряд ли теперь смогут освоить хотя бы часть сделанного им – трудно представить, чтобы кто-либо сегодня обладал такими знаниями о 15-ти литературах и их ведущих авторах. Естественно, картину нельзя назвать завершенной – в ней были представлены признанные государством писатели и не были упомянуты те, кто впал в немилость. Но таковы реалии времени.

Личность ученого и общественного деятеля стала неотъемлемой составляющей литературной жизни Грузии. И. Богомолу посчастливилось общаться с С. Чиковани, И. Абашидзе, К. Каладзе, Гр. Абашидзе, дружить с Н. Думбадзе, И. Нонешвили, работать с корифеями грузинской науки К. Кекелидзе, Ш. Нуцубидзе, Б. Жгенти, А. Гацерелия, Г. Абзианидзе, С. Хуцишвили, М. Дудучава и многими другими. Трудно перечислить все выдающиеся имена, с которыми была связана жизнь Игоря Семеновича, и тем более привести многочисленные их отклики на труды ученого. Новаторские достижения И. Богомолова в науке были признаны разными авторитетами. Это и самые именитые русские ученые Н. Пиксанов, Б. Эйхенбаум, П. Берков, И. Неупкоева, У.

Фохт, и выдающиеся писатели Микола Бажан, Олекса Новицкий, Йокубас Склютаускас, и скупой на похвалы П. Антокольский, вдохновлявший автора на создание «увесистого тома» о контактах русских поэтов с грузинскими литераторами и написавший: «Низко Вам кланяюсь за уже сделанное Вами!»

Особо нужно сказать о пушкиниане той поры. Казалось бы, пушкинские юбилеи в Грузии отмечаются издавна, и тем более 200-летие со дня рождения поэта должно быть отмечено как бы само собой. Однако за первым после драматических 1990-х годов масштабным юбилеем с международной конференцией, проведенным правительством Грузии, стояла огромная работа как инициатора и организатора торжеств профессора И.Богомолова, так и руководимой им кафедры истории русской литературы Тбилисского государственного университета. Пушкинские торжества 1999 года стали реальным свидетельством непрерывности давних культурных традиций. Более 60 ведущих пушкинистов из разных стран мира участвовали в праздновании. По возвращении в Санкт-Петербург делегация Пушкинского дома РАН писала И. Богомолу: «Все мы благодарно и с удовольствием вспоминаем пушкинский Тифлис 1999 года. Еще раз большое Вам спасибо за организацию грузинской сессии Пушкинской конференции». Хочется отметить личный вклад И. Богомолова-ученого в изучение «грузинской жизни» русского гения: это его сборники работ «Из грузинской Пушкинианы» (1999) и «Очаровательный край...» (1999).

На протяжении 15-ти лет Игорь Семенович руководил созданным им отделом литературных взаимосвязей Музея дружбы народов АН Грузии. Это был молодой коллектив поры расцвета Музея, о котором все сотрудники вспоминают с большой теплотой. Вспоминают о той творческой атмосфере, которая

позволила защитить диссертации почти всем молодым ученым, ставшим известными литературоведами, работающими и в Грузии, и за ее пределами. Не каждый руководитель так заботится о том, чтобы его подопечные могли свободно развиваться, не каждый собирает такой «научный урожай».

Само название «Музей дружбы народов» сегодня вызывает в лучшем случае улыбку. Но в свое время это учреждение в рамках Академии наук Грузии обладало большими возможностями. Многочисленные Дни культуры и литературы, которые ушли в прошлое, позволяли завести прочные научные и долгие дружеские связи с писательской и научной элитой всей страны. Это были годы расцвета ученого. Мне не нужно, напрягаясь, вспоминать ту пору: работа с Игорем Семеновичем – часть моей жизни. Его любили очень многие. В Москве в Институте мировой литературы он был своим, к нам приезжали известные ученые и писатели: С. Бэлза, Г. Ломидзе, Н. Воробьева, А. Чагин и другие. Всплывают в памяти разные эпизоды. Не раз мы бывали в Пушкинском Доме в Петербурге, подружился там с блестящим знатоком эпохи романтизма В. Вацуро, писателем, профессором Л. Емельяновым и его супругой – уникальным текстологом Т. Орнатской, ведущими специалистами С. Фомичевым, В. Зайцевой, И. Чистовой.

В конце мая 1981 года после сессии в Пушкинском Доме состоялось торжественное открытие музея на даче Китаевой, где Пушкин с Натальей Николаевной провели свое первое лето. После встречи в лицее устроили настоящее пиршество в парке, в домике, подаренном Екатериной II внукам. В то время это был дом служителя пушкинского комплекса. На встрече присутствовали все ведущие пушкинисты, а из Тбилиси – Игорь Семенович, научный сотрудник нашего музея Елена Киасашвили и я с братом. Домик «был

поставлен на ремонт». На облупленной штукатурке гости и хозяева писали стихотворные экспромты. Леонард Емельянов завершил экспромт словами: «Красавец Игорь Богомолов, Нэ пэй, нэ надо, дорогой». Вечером, когда шли к электричке, выяснилось, что Игорь Семенович не был в музее. Директор открыла здание и показала экспозицию.

В Игоре Семеновиче, при всей его солидности, всегда жил ребенок, способный радоваться моменту. В нем вообще сочетались самые разные черты – монументальность и искренность, широта и одновременно – любовь к порядку. Мне представляется, что скрупулезность в отношении материала, подробность анализа были связаны с его коренной чертой – стремлением структурировать мир, в том числе мир литературы. Он не терпел небрежности, разгильдяйства. После профессора Т. Буачидзе и до своей кончины И. Богомолов заведовал кафедрой истории русской литературы ТГУ. Это были годы после развала СССР, когда нужно было спасать созданное, жесткая тенденция тех лет отрицать все, отмеченное советской эпохой, стала разрушительной. Наряду с собственно идеологическими работами отметалось все, созданное на протяжении десятилетий. И в стенах родного университета И. Богомолов максимально способствовал росту своих сотрудников, а ведь все мы прошли через многотрудные времена, когда русисты оказались отделены от своих коллег в России, фактически не имели доступа к новой литературе, испытывали, да и до сих пор испытывают информационный голод. И все же отрадно осознавать, что мы многое выдержали, хотя трансформация носила «хирургический» характер.

При Игоре Семеновиче кафедра отметила юбилей А.С. Грибоедова, А.П. Чехова, Н.А. Некрасова, провела конференцию по Серебряному веку, научные сессии памяти наших учителей –

профессоров В.С. Шадури, Т.П. Буачидзе, Г.М. Гиголова. Были изданы 6 сборников научных трудов «Актуальные вопросы межнациональных филологических общений», сборники, посвященные русским классикам, в которые вошли работы ведущих ученых Грузии и зарубежных коллег. Напомним: зарплата профессора тогда составляла 12,5 лари, доцента – 10,8 лари, а преподавателя без степени, кажется, меньше 10 лари. Но никто не оставил работы. Организация конференций в годы, когда люди ночами стояли в очереди за хлебом, была своего рода деянием. Наверное, помогало то, что ученые, продолжая писать при свечах в нетопленных квартирах, спасали себя от одичания. И Игорь Семенович «удерживал» кафедру, а с ней и целую область литературоведения.

Возможно, самая важная сфера деятельности Игоря Семеновича в последние годы жизни – это работа со студентами, магистрантами, аспирантами. На кафедре родилась молодежная творческая ассоциация «Лик», мы участвовали в литературной жизни тбилисских

и не только тбилисских средних школ. При всей строгости Игоря Семеновича, при его внешней, как казалось студентам, неприступности, он был открыт для каждого, кто тянется к знаниям. Его требовательность и одновременно доброжелательность были известны всем – аспирантам, диссертантам, ученым, представителям русской диаспоры Грузии и, конечно, коллегам и многочисленным друзьям.

Неудивительно, что в период больших исторических перемен сама жизнь выдвинула Игоря Богомоллова главой русской диаспоры в Грузии. Он был инициатором создания и бессменным Президентом-координатором Русского культурно-просветительского общества Грузии еще на заре деятельности диаспор, в острый период разброда. И никто, кроме собственной интуиции, не мог ему подсказать, что же делать в ситуации, когда рухнула страна и началась миграция народов. Богомоллов не выносил хаоса, ему довелось жить в стабильную эпоху, и ста-

бильность отвечала его натуре. Не будем обсуждать плюсов и минусов эпохи – ясно, что падение диктатуры было неминуемым. Но Игорь Семенович очень переживал разрушение, и со свойственным ему чутьем общественных перемен вновь пытался найти пути к стабилизации, к общности человеческих интересов.

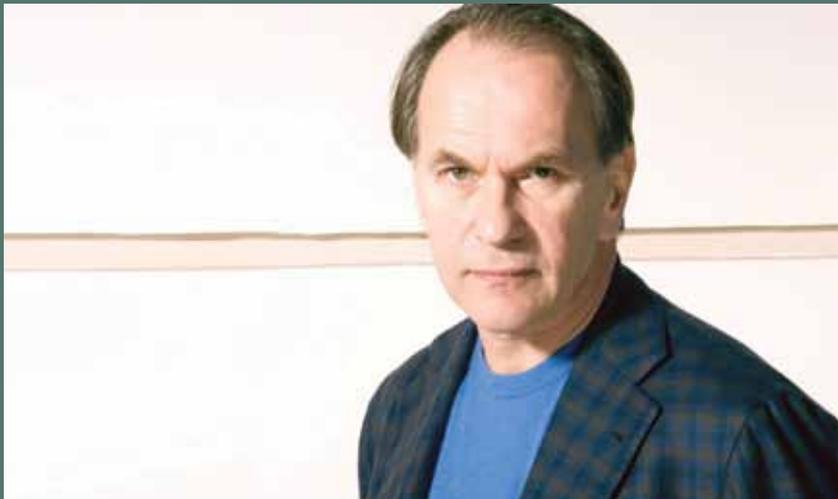
Профессор Богомоллов своим авторитетом поддерживал новую политику, определившую путь страны с 1992 года, поэтому совершенно закономерно, что он стал членом Государственного Совета Грузии, а позже был избран депутатом Парламента Грузии, задачей которого стало создание новой Конституции. Многие годы он представлял русскую диаспору Грузии в Совете соотечественников при Госдуме Российской Федерации, что было весьма непростой миссией «русского из Грузии». Те, кто был заинтересован в обострении отношений, ждали от него осуждения грузинских властей. Когда же он пытался примирить порой непримиримое, заявляли, что он не русский. А ведь Богомоллов всегда подчеркивал, что он «русский грузинского разлива». И нес в себе лучшие черты обоих народов.

К своему последнему, 70-летнему юбилею, И. Богомоллов подготовил читателю научные «сюрпризы», две новые книги: сборник «Из далекого прошлого» и учебное пособие для вузов «Грузия стала традицией для всей русской поэзии». Отрадно осознавать, что ученый до конца жизни не только не утратил своего стремления, как он говорил, к поискам «неведомых дорожек» и путей в науке. Его поздние работы свидетельствовали о принципиально современном прочтении русской классики в контексте ее сопряжения с иной национальной культурой, о новом дыхании в традиционной области литературных взаимосвязей. Речь шла и о самых острых, порой болезненных вопросах литературного процесса

в драматические периоды отношений двух народов. В книге, посвященной 70-летию ученого, представлена библиография его работ: 380 монографий, научных и публицистических трудов с 1954 по 2002 годы. Это не только свидетельствует о его редкой трудоспособности и масштабе интересов. Библиография совершенно полная, а ведь часто ученые не могут «насобирать» свою продукцию. Игорь Семенович и в этом был скрупулезным. А еще в книгу вошли многочисленные, хотя далеко не все письма к юбиляру за 25 лет – география и состав друзей и коллег поразительны.

Стремление Игоря Семеновича к четкости, порядку и гармонии пронизывало все сферы его жизни. Он воплотился как ученый и педагог, создал прекрасную семью. Он был счастливым мужем, отцом, дедушкой и прадедушкой. Его дочь Нателла Джанджгава – известный врач в области компьютерной диагностики. Дочь Ирина Модебадзе, доктор филологии, продолжила дело отца, она литературовед, научный сотрудник Института грузинской литературы им. Шота Руставели, ее труды издаются во многих странах. Супруга Джульетта Гогитидзе – педагог, вырастивший несколько поколений учеников, два года назад стала прапрабабушкой!

Литературные и культурные контакты ныне изучаются в иных форматах, но современное сравнительное литературоведение было бы невозможно без огромной базы, одним из создателей которой был Игорь Богомоллов, в поздних работах пришедший к новаторскому изучению литературного процесса. Его труды актуальны и долго будут служить благородному делу. Сколько раз доводилось советоваться с профессором Богомолловым, а иногда горячо спорить с ним. И как же мне, и многим его коллегам не хватает этих встреч, не хватает Игоря Семеновича...

Алексей Гуськов

«Я никого не хочу удивлять. Хочу делиться!»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Однажды Тбилиси – вместе с московским театром имени Е. Вахтангова – посетил Народный артист России Алексей Гуськов. Актер умный, глубокий и очень разный. Думается, не зря эта персона вызывает активный интерес – или, как сейчас говорят, востребована не только в России, но и за рубежом. Режиссеры театра и кино видят в нем мощную энергетику и столь же сильный интеллект – бесценные качества актера мирового уровня.

– Алексей, вначале вы поступили в Московский технический университет имени Николая Баумана и, проучившись там целых пять лет, неожиданно ушли на актерский факультет Школы-студии МХАТ. Что произошло? Откуда такой решительный поворот в судьбе?

– Ну и что? Не я первый, не я последний. Я родился в СССР, и это была другая страна. И время было совершенно другое. В театре царил эзопов язык. Естественно, мы, студенты Бауманского института, читали роман-эпопею «Красное колесо» Александра Солженицына. И вот спектакль Театра на Таганке. Открывались прочно закрытые шлюзы. В обществе было совершенно новое настроение. И театр был окном, через которое к зрителям проникал свежий воздух. При любом техническом вузе существовали

небольшие театры. Я туда тоже попал, причем совершенно случайно. Вел у нас его артист, который репетировал с режиссером Анатолием Васильевым «Первый вариант «Вассы Железновой»». Я присутствовал на этих репетициях, которые шли в театре имени Станиславского еще до реставрации этого здания. Это был удивительный, волшебный мир! Конечно, от боевых ракет, от прочих элементов военнотехнической сферы меня очень быстро, просто и легко перебрало в театральный мир. Никакого конкретного театрального впечатления не припомню – было накопление. А накопление началось, между прочим, с грузинского театра. Я долго жил в Киеве – хотя родился в Польше в семье военного летчика, а корни мои в Архангельске. В Украине оказались волею судьбы... И Роберт Стуруа привез туда «Ричарда III» с Рамазом Чхиквадзе. А я тогда был маленький мальчик. Тем не менее до сих пор помню, как на персонажей во время коронации падала карта Англии. И как они толкали жестяную, из консервной банки сделанную корону, вокруг которой, собственно, все и происходило... пинали ее ногами, бросали. И когда короновали старшего брата Ричарда Эдуарда, корона упала ему на глаза, потому что была ему велика по размеру, и Эдуард словно ос-

леп... Сколько образов, сколько находок! Мы действительно жили в другой стране. А совершенно гениальный «Кавказский меловой круг!» «Король Лир»! «Роль для начинающей актрисы»!.. Безусловно, был в моей жизни и Анатолий Васильев, его «Взрослая дочь молодого человека», «Первый вариант «Вассы Железновой». И дальше – «Женитьба» Анатолия Эфроса, другие его постановки... Любые периоды в процессе развития тоталитарного общества дают выходы в творчестве. Что и помогает жить. Не материальные, а духовные вещи. Так я оказался в этой профессии.

– Вы поменяли не один театр...

– Да, много их было.

– Можно утверждать, что сегодня вы, наконец, обрели нечто постоянное в театре имени Вахтангова?

– Такого нельзя сказать ни про один театр. Театры меняются. Сейчас у меня очень ценный, любимый период жизни. Потому что я не просто работаю в самом успешном, интересном театре России, но и общаюсь с Римасом Туминасом, человеком необыкновенного таланта, что и есть собственно театр. Потому что Театр не существует без лидера. К примеру, был период, когда из московского Театра на Малой Бронной ушел Анатолий Эфрос и оставался тот же театр, с тем же названием, репертуаром, артистами, но почему-то уже через полгода ничего невозможно было смотреть. Так же было, когда из МХАТа ушел Олег Николаевич Ефремов, когда скончался главный режиссер БДТ Георгий Александрович Товстоногов, после ухода Андрея Гончарова из театра имени Маяковского. Это закон театра. Я говорю коллегам, что у нас в Вахтанговском одна звезда – это Римас Туминас, а мы светимся в его сиянии, правильно располагаясь вокруг него, как красивые созвездия. Вот это любят зрители. А когда мы там-сям... Таких примеров было много и повторять очень не хочется. Я готов развернуться с чемоданом и пойти дальше, но сейчас даже не хочу об этом думать. Когда-

В спектакле «Евгений Онегин»

нибудь такой момент наступит, но я хочу отдалить его на как можно долгий срок.

– Но такой момент обязательно наступит?

– Конечно, наступит.

– Вы принципиально против того, чтобы долго служить в одном театре, сохранять ему верность или это действительно закон театра?

– Вы рассуждаете постулатами репертуарного театра прежних времен. Был период, когда театр Вахтангова вообще не принимал артистов других школ. И так же поступали Малый, МХАТ... Сейчас все совершенно изменилось. Конечно, сохранился репертуарный театр как одно из достижений советской театральной культуры, и это надо действительно хранить, беречь. Но в целом состояние внутри коллективов изменилось. Появился большой рынок «легкого» хлеба. Много плохих примеров телевизионной продукции. Хотя на ТВ артистам за один съемочный день платят три театральных зарплаты. Невозможно сказать человеку: не ездите на немецкой машине, а пользуйтесь велосипедом, не покупайте продукты для детей, не улучшайте свои квартирные условия. Это же смешно! Все равно к этому будут стремиться,

ведь актер – это прежде всего человек, и должен уметь зарабатывать деньги, содержать семью, родителей, растить внуков. В общем, такие монастыри, как театр Ежи Гротовского, труппа на Малой Бронной при Эфросе, БДТ Георгия Товстоногова с созвездием артистов необыкновенного таланта – все это в прошлом... А в театре Вахтангова сейчас есть большая, изумительная идея – Римас Туминас. Единственная звезда нашего театра, которая очень ярко и многоцветно светится. Он, собственно, все вокруг себя и аккумулирует. Своей культурой. А я уважаю культуру театра Вахтангова. Очень аккуратно вхожу туда, осторожно что-то говорю по поводу этого уже почти столетнего существования по другим законам, чем в моей школе – школе Художественного театра. Но я понимаю: то, что делает Туминас, – это верхушка пирамиды. А дальше в основании огромного здания театра дверей сто, очевидно, на втором этаже их уже 70, на третьем – десять, а наверху, там, где Туминас находится, вообще щель... Она такая узкая – приоткрывается и закрывается. Хозяйство, которым руководит Римас, огромно. Я удивляюсь его такту. Людмила Максакова сказала о режиссере, что в Риме он был бы патрицием. Он не умеет отказывать. Сразу вспоминаются шуточные слова, сказанные о ком-то: он не умеет отказывать, и если был бы женщиной, все время ходил бы беременным. Каждое утро Туминас выходит из дому и проходит через институт, где огромное число пар глаз пялятся на него просяще, пускают свои флюиды. Дальше Римас идет мимо режиссерского факультета, встречает своих студентов с разными идеями и предложениями. Проходит несколько метров до театра, а уже у входа его встречают человек 30. Около кабинета тоже стоят человек двадцать. Не понимаю, как так можно существовать? Для меня это невозможно! Здесь могут быть два варианта: либо жесточайшая диктатура, либо псевдодемократия. Знаю два таких примера: Андрей Гончаров и Олег Ефремов.

У Туминаса диктатура только по отношению к самому себе. Он не позволяет себе очень много-

го, когда выпускает спектакль. Да и вообще ничего не позволяет! Его требовательность к себе невероятная. А в поведении с актерами он очень демократичен. Это удивительно – большой руководитель и такого масштаба художник.

– Вы сказали на пресс-конференции в Тбилиси, что после него сложно работать с кем-то другим.

– Да, это так. На пресс-конференции еще прозвучало: творческий процесс – военная тайна, не выдавай военную тайну! Я думаю, что повторить никому ничего никогда не удастся, имеется в виду плагиат. И если есть явление, то оно – штучное и уникальное. Для меня, могу это сказать как артист, который работает с ним последние годы, его метод особый, отдельный. Но абсолютно не насилующий актерскую природу. Он все время повторяет слова об автономном существовании на сцене. О том, что нужно доверять ему, автору, теме, партнеру. У Туминаса нет больших или маленьких артистов... Он создал удивительную атмосферу, которая мне невероятно нравится. Я счастлив, что нахожусь в этом театре. Существует замечательный баланс мастеров, пришедших совсем недавно молодых актеров и интереснейшего среднего поколения. Но, увы, все начинается и заканчивается, как это ни печально. Но мы не будем думать о плохом. Плюнем три раза через левое плечо и постучим по дереву.

– То, что предложил вам Туминас в «Евгении Онегине», сошлось с вашим представлением о герое? Или пришлось что-то преодолевать в себе – хотя бы идущее от образования, традиции?

– Все, что делает Туминас, очень личностное. Это его спектакли. И дальше ты или разделяешь его точку зрения, или не разделяешь. Либо принимаешь, либо не принимаешь. Вписываешься в палитру этого полотна или не вписываешься. Я со своим Онегиным пришел в уже готовый спектакль. Предложение стало для меня полной неожиданностью. Меня, когда я смотрел спектакль, устраивало все.

Кадр из фильма «Находка»

И мое появление в нем – версия... Об этом я и Римасу сказал: я не смогу существовать в рисунке другого актера, это невозможно. Внутренне Сергей Маковецкий, также исполняющий роль Онегина, совершенно другой. Я вижу своего героя гораздо более нераскаившимся. За что в итоге его накажет судьба... жизнь... Господь Бог. Кто во что верит! Потому что покаяние – название замечательного фильма великого грузинского режиссера, по сути, начавшего перестройку, – это самое главное, что дается людям. Больше ничего нет. Туминас сказал: «Да, мне это нравится! Знаешь, я хочу попробовать такого жесткого, нераскаившегося, что-то так и не осознавшего Онегина». Но когда все уже состоялось, я немного пожалел, что пошел по этому пути так далеко. Мне вдруг стало жалко Онегина, я полюбил своего героя. И я стал искать место, где мы можем дать это почувствовать – в паузе, во взгляде. В какой-то части моего актерского существования я это делаю.

– В театре Вахтангова вы работали с еще одним режиссером – Владимиром Ивановым.

– Владимир Владимирович Иванов пригласил меня в этот театр. Когда уже Римас Туминас здесь работал, Иванов ставил спектакль по очень интересной пьесе Горького «Зыковы» – «Люди как люди». Получился очень современно звучащий спектакль. Искали актера на главную роль, и моя жена, актриса Лидия Вележева, которая в театре Вахтангова, можно ска-

зать, с коротких штанишек, и в отличие от меня не бегала и не меняла дом, предложила посмотреть меня. Встретились, поговорили... В итоге спектакль идет на вахтанговской сцене до сих пор, с аншлагами.

Римас Владимирович всегда формулирует свою большую идею. Она может быть выражена в двух-трех предложениях, а потом, со временем, он подбирается к одному эпитету. Ограничивает свою идею. И тогда, когда мы работали над Горьким, он спросил нас, о чем спектакль «Люди как люди». Мы ответили: «Это время страстей человеческих!» «А если у вас страсти не получатся?» – задал он вопрос. Но, на мой взгляд, страсти в итоге получились. И время получилось. Я открыт ко всему. Ко всем предложениям в театре – не откажусь. Но после Римаса действительно трудно с кем-то соприкоснуться в творчестве. Потому что работа с режиссером – это всегда язык. Птичий язык, благодаря которому вы начинаете понимать друг друга. Я артист, не знающий ни одного иностранного языка, но играю на французском, английском, итальянском... что доказывает невербальность искусства. Оно существует в других эмпириях, по особым законам.

Вот репетировал Достоевского – «Подросток»... Мой персонаж меня съел, вытянул из меня все жилы! Потому что амбиции, в хорошем смысле слова претензии сына Юрия Яковлева, Антона Юрьевича Яковлева, очень высоки, и это замечательно. Человек не боится брать материал, который никогда никто не ставил.

Ставили версии, линии, но никогда не поднимали весь роман. Роман очень сложный, необыкновенно «достоевский», я бы так сказал, где никто никого не убивает, как в «Преступлении и наказании» или «Братьях Карамазовых». Я имею в виду его детективные истории. Нет «скверного анекдота», как в «Дядюшкином сне» или «Селе Степанчиково». Роман «Подросток» написан версиями. Глазами ребенка, который впервые за 20 лет приехал и увидел свою семью, произошло взросление, и человек стал понимать, откуда он, кто он... И дальше все версии – версии по поводу отца, версии по поводу матери, версии на версии! И как это сделать? У меня есть только одна сцена, где герой подслушивает, и она написана именно как сцена. Мой персонаж меня измучил. Я давно так трудно, так сладко не маялся.

– Вам уже приходилось встречаться с Достоевским?

– Я уже соприкасался с этим писателем, в юности. Это был дипломный спектакль «Преступление и наказание», где я играл Лужина. Ставил один из моих учителей, руководителей курса, замечательный педагог и режиссер Виктор Карлович Манюков. Второй студенческий спектакль – «На дне», его поставил второй мой педагог Евгений Александрович Евстигнеев. Сейчас снова я с Горьким столкнулся. Словом, круг странный пробежал... Возвращаясь к Достоевскому. «Нравится-не нравится» – эта категория тут не подходит. Он не нуждается в каких-то эпитетах.

Это автор, в которого ты ныряешь и с которым находишься в диалектических отношениях. Я нахожусь с ним в очень, шибко диалектических отношениях! Люблю, с заглавными буквами, – это для меня Толстой, Чехов. Это я действительно люблю! А диалектика – это Достоевский, Леонид Андреев, Куприн. Это личное.

– **Это конфликт с автором?**

– Нет, это не конфликт, а именно диалектика. Нахожу места совершенно удивительные, когда я говорю: «Ух ты! Господи, как это про меня!» А есть моменты, где я совершенно, принципиально не согласен с автором. У меня концы с концами не сходятся, а их нужно свести.

– **Широк человек, очень даже широк... Это о вас. Потому что в вашей актерской природе тонкая духовная организация чеховского интеллигента сочетается с жесткостью, рогожинское и мышкинское начала сосуществуют.**

– Иначе я бы не выжил. Не я это придумал...

– **Внутри вас этот конфликт существует?**

– Внутри меня? Их так много, этих конфликтов, что вы! Я абсолютно рефлексированный, истерический психопат. И это определение любого психиатра в отношении представителей актерской профессии. Мне это присуще. Я себя так же раскачиваю какими-то способами, чтобы из меня ушло все мной сделанное, наработанное... Нужно быть как белый лист. Я двенадцать лет

преподавал, и могу утверждать, что разница между студентом, впервые выходящим на сцену в хорошем материале, и мастером – ноль!.. Просто мастер обладает огромным количеством приемов, а студент оснащен другим – предельной искренностью. Как это совместить в себе каждый раз? Я не знаю. Рецепта нет... Самое страшное, когда актеры волевым размытием кристаллики первоначального замысла, ведь в процессе репетиций и после премьеры они были неустоявшимися и необыкновенно искренними, а потом уже... Почему спектакли стареют, почему их снимают? Те же декорации, те же артисты – все то же самое. А стареют, потому что притупляется обостренное чувство материала, ожога. Но зритель ведь тоже не виноват... он за чем-то приходит в театр! А мы все давно живем своими ареалами обитания, нет огромного движения... И это во всем мире происходит. Нет уже единой Европы. Нет уже американской мечты. Потому что мы сейчас часто ездим туда. Это все придумано. Просто существует такая традиция. Чехов давно подметил эту национальную черту Российской империи, в которую входили и грузины, и литовцы, и украинцы, и казахи... Я даже не делю людей на национальности, у меня этого нет. Вот цитата из «Палаты номер 6»: «Я служу вредному делу и получаю жалованье от людей, которых обманываю; я нечестен. Но ведь сам по себе я ничто, я только частица необходимого социального зла: все уездные чиновники вредны и даром получают жалованье...

Значит, в своей нечестности виноват не я, а время... Родись я двумястами лет позже, я был бы другим». Или, к примеру: если бы я родился в Вене, то был бы очень хорошим врачом. Но я сижу в какой-то деревне... Вот если бы там был! А здесь зачем? Не буду я здесь ничего делать! Такая вот наша установка, наша национальная черта.

– **Алексей, поговорим о кино. У вас ведь и в этой сфере судьба складывается интересно?**

– Меня судьба, наверное, бережет. Не знаю, как это происходит в жизни. Вероятно, к тем возможностям, которые на меня сваливаются, я внутренне готов. Но поверьте, я уже давно на многие предложения отвечаю отказом. Первое, что я говорю, это – нет!

– **Не нравится, неинтересно?**

– Нет, это разные вещи. Интересно-неинтересно – это не мои категории. Готов ли я нырнуть в материал? Есть ли у меня для этого достаточно сил? Готов ли я лишиться себя комфорта, кувиркнуться через голову? Знаю ли, умею ли, когда мне очень хочется? Просто я стал больше думать, наверное, с годами.

– **Не так давно вы снялись в замечательной картине «Находка». Эта работа стала для вас находкой?**

– К сожалению, в кино очень редко бывают такие предложения, когда роль большая не только по объему – это, по сути, монофильм, но и по вопросам, которые там поставлены. Потому что сюжет картины простой, как и везде. Зритель пришел в кино-театр, и мы не будем стоять отдельно, в уголке, непризнанными гениями. Я никогда не буду этого делать! Но в фильме зашифрованы мучающие героя вопросы бытия – не быта, что сейчас на 90 процентов заполонило кинематограф. Бытия! И вот это очень грамотно обернуто советским классиком Владимиром Тендряковым, всем составом творческой группы во главе с режиссером-дебютантом Виктором Дементом. Для меня это тоже приобретение в жизни – Витя Демент!

Кадр из фильма «Он святой, он человек»

– «Смотрел фильм в Италии. Такого Гуськова не видел никогда. Спасибо за настоящее актерское искусство». Это мнение зрителя о Вашей этапной работе в кино – Папа Римский в итальянской картине «Он святой, он человек».

– На это предложение я сказал вначале «нет», через две недели – опять «нет». И через три недели все повторилось. Меня уговаривали со всех сторон, в том числе мой итальянский агент. Я был завален письмами: «Пожалуйста, приезжайте хотя бы поговорить!» Я поговорил с режиссером Андреа Порпорати, и он сказал: «Я хочу работать с этим актером, что хотите – делайте, но его вынимайте!» И меня вынули. А дальше наступил объединенный ад и рай в одном лице. Потому что я был в отчаянии. Кино – искусство невербальное. Нужно было присмотреться, забраться в кожу этого человека, понять, почему именно я это играю. Что я должен в итоге делать с точки зрения искусства, ведь на меня будут смотреть два миллиарда зрителей? Я должен передать ощущение, которое осталось от него в людях. В каждом кадре, каждой сцене должен помнить об этом магнетизме, который от Папы исходил. Что это такое? Как этого достичь? Сценарий был очень хороший. Я работал с талантливыми людьми. Хотел отнестись к своему герою не как к одной из самых ярких исторических личностей конца XX столетия, а подойти к нему просто как к предложенному мне характеру. И я нашел одну сцену, которая со мной совпала. Это связано с началом болезни Паркинсона. Об этом знали сам Папа Римский, его секретарь и еще один человек. И ему в течение трех дней нужно было решить, оставаться на престоле или уйти. Иоанна Павла II никто не осудил бы, если бы он ушел. Но Папа Римский решил, что останется на том месте, которое ему дано свыше, и будет исполнять возложенные на него обязанности... Я к этой сцене тщательно готовился, фактически весь период съемок, и просил снять ее попозже. Словом, пока судьба дарит мне подарки, стараюсь их не пропустить.

Кадр из фильма «Тонкий лед»

– Вы ориентировались на человеческий фактор, а не на величие Папы Римского.

– Это история светская, реальная, написанная со слов инструктора по лыжам. Известно, что Иоанн Павел II обожал ледник Адамелло, любил горные лыжи. Это вы найдете во всех источниках – о его любви к горам и лыжам. Мы снимали в Ватикане, когда Папа был в лыжной шапочке и пробежал со своим секретарем Станисласом. И его, конечно, узнавали. В фильме есть эпизод, где Папу Римского узнал мальчик Джованни, и они на спор стали спускаться на лыжах, соревнуясь, кто быстрее. Мама спросила потом ребенка, с кем он катался. Мальчик ответил: «С Папой Римским!». «Что ты мне лжешь?» – не поверила мать... Это часть «некатолической» истории Папы Римского. Хотя, конечно, он был католик до мозга костей. Причем очень жесткий, осуществивший реформацию церкви.

– Актер православного вероисповедания сыграл католика...

– Для них это оказалось совсем не принципиальным. Я задавал вопросы о вере в начале пути. Но через две недели съёмки прибежал продюсер, начал меня целовать и обнимать. Я спрашиваю: «Что случилось?» Как выяснилось, Ватикан посмотрел и одобрил материал. Когда мы снимали в Ватикане, я там видел представителей всех конфессий – мусульман, буддистов, иудеев, православных ортодоксов. Кого я там только не видел! Католическая церковь очень открыта к общению.

– Иногда приходится слышать, что для достижения высокого уровня существования на сцене или экране актер должен быть аскетом...

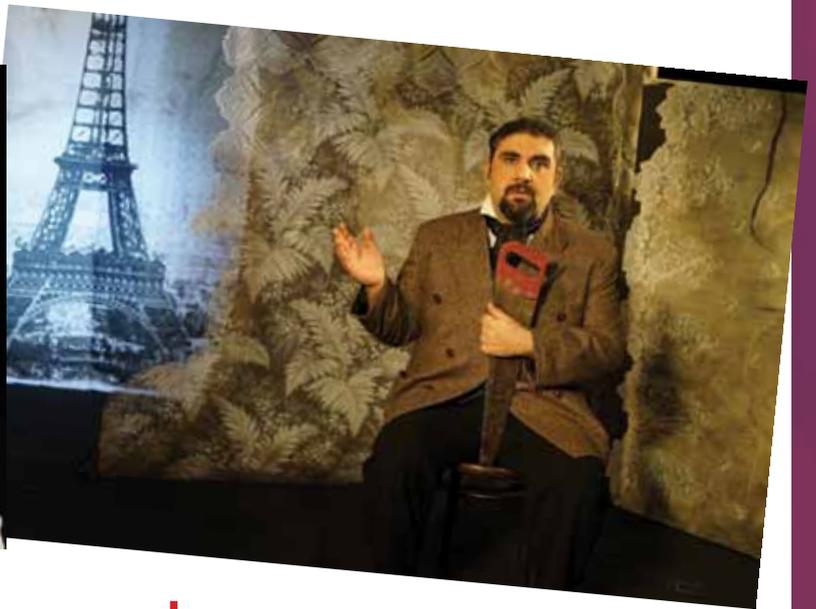
– В смысле художник должен быть голодным? Я с этим совершенно не согласен! Поза непризнанного гения мне всегда смешна. Я человек из плоти и крови – как и те, кто придут в зал смотреть на меня. Другой вопрос, почему они придут смотреть. Ради чего, за что они заплатят, чтобы провести со мной два с половиной-три часа своей бесценной жизни? Для меня это большой вопрос! Я всегда испытываю чувство стыда, что участвую в каком-то обмане. Либо это упражнение по собственному поводу. Я со всеми говорю об этом: «А чем мы собственно делимся? Мне не нравится формулировка «удивлять». Я никого не хочу удивлять. Я хочу делиться!» Возвращаясь к Римасу. Радость моя в том, что я обежал четырнадцать театров в Москве и в первый раз, фактически в конце своей карьеры, встретил художественного руководителя, который на открытии сезона говорит о духовных вещах. О том, что в этом году ему хотелось бы сказать о родителях, детях, о том, что нам необходимо остановиться и подумать: что же с нами происходит? Вот эта кровь вокруг, это тотальное неприятие друг друга. «А мы не будем сопротивляться. Мы будем не сдаваться!» – сказал Туминас. Я хочу именно этим делиться с людьми.

– Спасибо вам за щедрость.

– Да. Я в последнее время стал говорить, и мне стало легко!

Михаил Арджеванидзе

Будем работать!

Не надо быть искусственным знатоком театра, чтобы понять – актеру недостаточно обладать ремеслом и талантом. Этого не хватит для зрительской любви. Необходимо сценическое обаяние. Грибоедовскому театру повезло – на его сцене работает такой артист, увидев которого публика немедленно попадает под влияние его светлой энергетической волны и готова тут же, не сходя с места, слепо принять на веру все им сказанное и сыгранное. Скажу вам больше – зрители хотят понять и простить героям Михаила Арджеванидзе все. Поэтому публика сострадает его Кузовкину из «Нахлебника» И. Тургенева, болеет за Яичницу из гоголевской «Женитьбы», верит почти комическому Дикому из «Грозы» А. Островского. А уж о Карабасе-Барабасе, Синьоре Помидоре и Великом и Ужасном Волшебнике Оз и говорить не приходится – симпатии маленьких зрителей изначально на стороне этих «злодеев», которые в исполнении Михаила Арджеванидзе просто-напросто перестают быть злодеями.

Он выходил на сцену ТЮЗа, Театрального подвала, Театра киноактера имени Туманишвили. Играет в Свободном театре. Вот уже 15 лет (тоже круглая дата!) как он служит в Грибоедовском, в котором сыграл более двадцати ролей – очень разных, но в то же время объединенных авторским стилем Арджеванидзе.

Пожалуй, это самое главное, чем может гордиться человек, отметивший 45-летие: своим профессиональным почерком, который отличает его от всех других и узнаваем сразу.

Поздравляем Михаила Арджеванидзе с днем рождения! Счастья, благоденствия, творческих побед!

Автандил Варсимашвили, художественный руководитель театра Грибоедова:

– Стоит только произнести имя и фамилию Михаила Арджеванидзе, как перед глазами возникает образ светлого, улыбающегося человека. И он именно такой, наш дорогой, золотой Миша, которого в театре любят все. Я люблю его и как человека, и как актера, которого вот уже 15 лет занимаю почти во всех своих спектаклях не только на русской сцене, но и на грузинской, да еще и в фильмах. В работе он так же комфортен, как и в жизни. Высочайший профессионал, он старается угадать, понять твой замысел и сразу же воплотить его. Поздравляю тебя, мой дорогой! Счастья тебе и твоей прекрасной семье! И давай еще очень долго будем работать вместе так же, как и до сих пор.

Левон Узунян, режиссер Тбилисского государственного армянского театра, приглашенный режиссер театра Грибоедова:

– Я очень рад, что мне представилась возможность поработать с Мишей Арджеванидзе.

Он очень интересный актер. И одна из его самых примечательных актерских черт заключается в том, что он беспрекословно принимает все задумки режиссера, исполняет их и добавляет к ним то, чего режиссер подчас даже и не предполагал. То, что он добавляет от себя, всегда с большим знаком «плюс», и это не актерская, извините, отсебятина. Это черта очень больших актеров. Например, небольшую роль Крота в «Дюймовочке» (а это, по сути, эпизод) он настолько обогатил и поднял, что она превратилась в полноценную роль со своей биографией. Мы сразу видим образ певца – с амбициями, желаниями, талантом. Причем Миша запел – насколько я знаю, впервые. Мы все были ошарашены. И, начиная с премьеры, не проходит ни одного спектакля, чтобы Миша не сорвал бы аплодисменты. В замечательном спектакле «Снежная Королева» в ТЮЗе он исполнял очень небольшую роль Вороны. Это было что-то невероятное, просто спектакль в спектакле! Помню, идет спектакль, но появился Миша – и весь зал замер. Просто магия какая-то – он держал зал, все внимание зрителей было сосредоточено только на нем. И когда он ушел со сцены, все только и ждали – когда же он появится снова, когда Ворона выйдет опять?.. Поздравляю Мишу с юбилеем! Желаю огромных успехов, больших ролей и больших гонораров!

ХУДОЖНИК И ВЕЧНОСТЬ

Пиросмани умер в ночь на Пасху 28 марта (10 апреля по новому стилю) 1918 года. Прошло сто лет, целый век. Имя его стало национальной гордостью Грузии.

«В контексте современной ему эпохи, творческую жизнь Пиросмани можно обозначить как подвиг: он успел свершить все, что навсегда «поселило» его в будущем. Он убедил при жизни и продолжает убеждать последующие поколения в неповторимости своего творчества, в оригинальности своей космогонии, в искренности и высокой духовности своей живописи... Прошедший век показал, что живопись Пиросмани неподвластна времени. Она дает нам радость, а мы дарим ему вечность. Прошло время, и оказалось: художник трудился и создавал не для духанов, но для вечности».

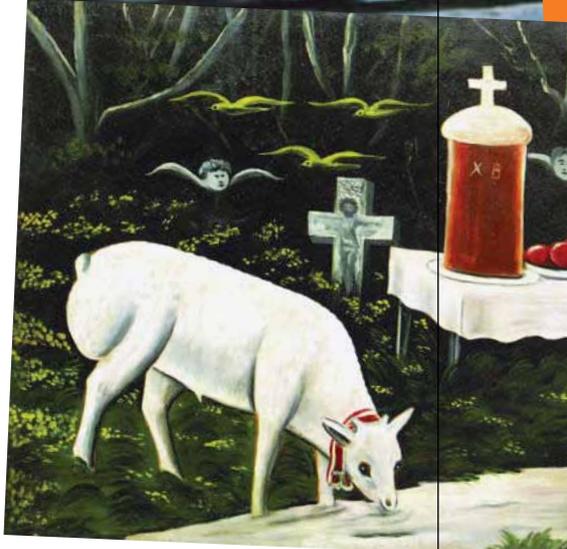
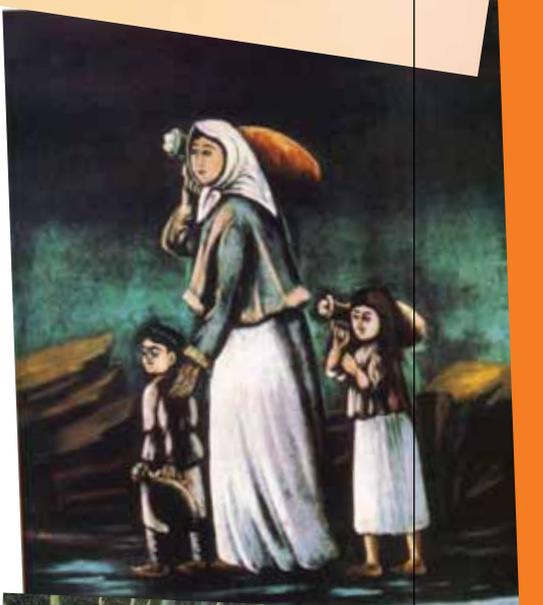
Это цитата из новой книги Ирины Дзуцовой «Заздравный тост», вышедшей в начале года в Тбилиси. Издание книги, приуроченное к столетию со дня смерти художника, обусловлено неугасающим интересом автора книги к личности и творчеству Нико Пиросмани (первая

книга И. Дзуцовой «Пиросмани. Пиросмани...» была издана в Тбилиси в 2013 году).

«Заздравный тост» включает в себя предисловие автора, самые важные факты и события, связанные с творческой биографией художника (некоторые из них – неизвестны или забыты). Они даны в хронологической последовательности вплоть до 2015 года и сопровождаются авторскими комментариями. Приведенные факты и события рассмотрены как главные ступени славы Пиросмани.

В книге также собраны высказывания о Пиросмани и его искусстве как давно ушедших авторов, так и наших современников – из разных стран, различных эстетических убеждений, профессий. Эти высказывания – размером от одной фразы до мини-эссе – утверждают еще и еще раз духовное присутствие Пиросмани в нашей жизни.

Сто лет со дня смерти художника – дата не только и не столько печальная. Ведь она напоминает нам о присутствии Пиросмани в нашей жизни, в нашей культуре и народной памяти.

Вахтанг Чабукиани

Принесенный белой кометой

■ Анзор ГВЕЛЕСИАНИ

«Меня принесла комета, и она же
унесет меня обратно»

Вахтанг Чабукиани

Четверть века тому назад не стало великого танцовщика и хореографа Вахтанга Чабукиани (1910-1992). Еще раньше ушли Джордж Баланчин (Георгий Балачивадзе) и Гоги Алексидзе. Эти три феномена в единстве как бы составляют грани платоновского тетраэдра (символа огня) – кристалла, возвращенного на благодатной почве русского классического балета в гармоническом сплетении с древней грузинской хореографией.

Стихия и политические события, шумные шоу беспощадно треплют планету, искусство, все сферы человеческой деятельности. Период «хождения по мукам» еще не кончился. Страхи перед «стихией чуждой, запредельной» еще не прошли.

Тем не менее, благодаря потоку романтически одаренных молодых сил, жизнь не вянет и идет своим чередом. В мире танца всегда задавал тон классический балет, мировой и, как заявила по телевидению Светлана Захарова, в особенности – русский. Отрадно отметить также, что грузинский, чабукиановский балет начинает возрождаться.

Грузинский балет, потерявший трагически погибшего выдающегося балетмейстера современности Гоги Алексидзе, выжил и сохранился в условиях драматических исторических перемен. Тем не менее к открытию сезона Тбилисского государственного академического театра оперы и балета им. Захария Палиашвили балетная

труппа подготовила программу, посвященную памяти великого танцовщика и хореографа XX века Вахтанга Чабукиани и возродила его балеты «Лауренсия» и «Горда».

Как известно, комета Галлея примерно через каждые 75 лет приближается к нашей планете. Именно в это время, 27 февраля 1910 г., родился Вахтанг Чабукиани. Кстати, в свое время цыганка нагадала новорожденному Вахтангу большое будущее и то, что хвостатая комета (по-грузински «кудиани варсклави»), принеся его, унесет его обратно.

Знаменательно, что великий балетмейстер Мариус Петипа (1822-1910) родился тоже 27 февраля и ушел из жизни в год рождения Вахтанга Чабукиани. Это была эпоха перелома во всех видах искусства, создания новых направлений, течений, группировок.

Русский балет, бескомпромиссно отвергавший ложные тенденции XX века, стал ведущим балетом мира. Многие мастера из разных стран тянулись в прошлом в Петербург... К счастью для Чабукиани, азы балетного искусства с детских лет были им усвоены в балетной

Вахтанг Чабукиани и Вера Цигнадзе в балете «Жизель»

школе под руководством Марии Перини в Тбилиси. Юный Чабукиани, следуя ее совету, принял единственно правильное решение – учиться и совершенствоваться в искусстве танца в Петербурге. Здесь, в лоне великого русского классического балета, окрепло его дарование. Здесь он получил стимул для неудержимого стремления к непрерывному развитию и совершенствованию техники танца и, что самое главное, – оформилась его творческая индивидуальность.

Эпоха выдвинула на первый план новое, героическое начало в балете и в других областях искусства, творцы которого, подстегиваемые ритмами времени,

на базе достижений классики с упоением создавали новое искусство. В русский балет устремилась ритмика советской эпохи, давшей миру плеяду выдающихся исполнителей и балетмейстеров. Достаточно назвать имена Галины Улановой, Алексея Ермолаева, Вахтанга Чабукиани и др. Примеры лирики Улановой, буйства Ермолаева, героики Чабукиани показывают, что искусство прокладывает неизведанные пути к универсальности, где присутствует неповторимый национальный феномен индивидуума.

Соприкосновение таких различных феноменов в русском балете оказалось в высшей степени гармоничным и плодотворным.

Оно способствовало порождению новых выразительных средств и творческих импровизаций, мгновенно переходящих в классику.

Новое в искусстве конструируется на базе совершенных образцов прошлого. Современность находит чуткое отражение в искусстве. Четыре феномена века: Нижинский-Ермолаев-Чабукиани-Уланова, вобрав в себя лучшие достижения балета прошлого, создали новаторские направления ярко выраженного мужского и лирического женского начал. Талант Вахтанга Чабукиани проявляется в героике его танца. Героическая идея пронизывает все образы, созданные им, и составляет главную движущую силу и пафос его феномена. В частности, в отличие от парения Нижинского, он привнес в балет свое – чабукиановское парение, сложнейшее зависание в воздухе со скрещенными ногами; элегантному же движению руки Нижинского, отводящего свисающие к лицу волосы, – свою знаменитую позу, предвещающую начало бурного зажигательного танца. Мощи же новаторских головокружительных прыжков Ермолаева он противопоставил свое, мужское, чабукиановское фуэте (в 32 оборота!) и стремительное, непревзойденное шэнэ (один из элементов древнего грузинского танца).

Довольно редко бывает гармоническим соприкосновение выдающихся феноменов, когда ни одна сторона пары не оказывается затененной другой. Такой была лирическая пара Уланова-Чабукиани. С одной стороны – бездонная лирика задумчивой Улановой, с другой – чуткое понимание глубины ее мистической природы Вахтангом Чабукиани.

Именно здесь, в Петербурге – центре мирового балета произошла встреча этих двух великих дарований. Уланова, идя путем лирического танца, достигает вершины героики, Чабукиани же героикой своей достигает апогея лирики.

Факел белой кометы сразу же был подхвачен твердой рукой Чабукиани («Танец огня», «Пламя Парижа») и с триумфом, вдохновенно пронесен через все его творчество. Чабукиани вошел в классический балет, как олицетворение Аполлона. Как в древней мифе Аполлон вошел в дельфийский храм в одеянии Диониса, так и Чабукиани, обуздав в себе буйного творческого Диониса, в его одеянии («Вальпургиева ночь») – в полную силу возвестил о появлении лучезарного Аполлона – сначала на сцене русского театра и далее – на грузинской сцене.

В русле петербургского (дягилевского) балетного искусства, как в благодатном течении Гольфстрим – меандры (вихри), зародились выдающиеся звезды балета: в мужском – Нижинский, Фокин, Баланчин, Чабукиани и др., в женском – Павлова, Карсавина, Спесивцева, Уланова и др.) Убери этот краеугольный камень из русского балета – и он рухнет.

Чабукиани, творчески освоив достижения русского классического балета и грузинского народного танца, внес в хореографию свой, чабукиановский элемент, показав, что высшая красота не в одном только прекрасном теле, но и в душе танца.

1908 г. Париж. Нижинский – в «Полуденном отдыхе фав-

Арам Хачатурян, Галина Уланова и Вахтанг Чабукиани

на» (Дебюсси – Малларме) – один из основателей мужского балета. Тщетно пытается Фавн-Нижинский проникнуть во владения лучезарного Аполлона, выслеживая купающихся нимф. В попытке вырваться из «дионисовой шкуры» в царстве Аполлона он терпит крах. Его энергия бесплодно опустошается. Такой подход расколол зрителей на два противоположных лагеря. Можно сказать, что Нижинский в балете предвосхитил исторические перемены, позднее происшедшие в мире. Свидетелем смены эпох, грядущих бурь и событий оказался также и Чабукиани, которому суждено было нанести сокрушительный удар по прежнему статическому мужскому балету и стать триумфатором мужественного аполлонического балета, гармонически сочетающего новый романтизм и новую героику. Дионисово буйство, как мы отмечали выше, он умерил в себе железной волей беспощадного Аполлона.

Образно говоря, могучий Дионис-Чабукиани соприкасается с хтоническими корнями древнего танца, по которым накопленная в них творческая энергия неудержимым искрящимся потоком устремляется вверх по жилам своего избранника. Именно в это мгновение Аполлон–мусагет вздымает танцовщика в воздух, делая его неподвластным земному притяжению, – и находящийся в пафосе божественного вдохновения танцовщик постигает тайну элевации – невесомого парения в воздухе. Чабукиани со скрещенными ногами зависает в воздухе на долгие мгновения и затем мягко и неслышно приземляется. В вокальном искусстве известен эффект длительности держания ноты мастером бельканто Мазини, в скрипичном – эффект непревзойденной длительности держания ноты великим Паганини.

Телосложение Чабукиани, как воплощение высшей красоты, достойно кисти Апеллеса и резца Праксителя, увековечивших в своих творениях образ

Аполлона. Одно лишь появление Чабукиани на сцене уже предвещало великую радость. Взор зачарованного зрителя следил лишь за его движениями. Одухотворенный танец Вахтанга Чабукиани сразу же зажигал всех на сцене и в зале.

Высокая профессиональная школа танца, пройденная в Петербурге, создала благодатную почву для постановки собственных балетов, что он, позже будучи в Грузии, и осуществил на тбилисской сцене. Богатство ритмов, широта диапазона образов от демонических до героических и лирических отличают собственные редакции балетов «Вальпургиева ночь», «Шопениана», «Лебединое озеро», «Тени в Баядерке» и др.; 6 собственных грузинских балетов. Сегодня праздником хореографии является возрождение балетов Чабукиани «Горда», «Лауренсия» и др. Легкий, бесшумный взлет, зависание в воздухе и мягкое неслышное приземление, созданный им мавританский танец (музыка А. Мачавариани) неповторимы. «Сегодня никто его исполнить не может» (Цискаридзе). Пляска Отелло-Чабукиани – вершина экстатического танца. Как не вспомнить тут совет-восклицание В. Белинского: «Идите в театр и умрите в нем!»

Заметим, что Чабукиани долго вынашивал мавританский танец Отелло в уме, и лишь на генеральной репетиции исполнил его. Впечатляет сцена свидания Отелло (Чабукиани) с Дездемоной (Вера Цигнадзе) под пальмой на знойной африканской земле. Море неслышно колышется. В экзотических дюнах рождается настроение невольной грусти, вызванной легким жестом грузинского танца. На древних горячих африканских дюнах, аккумулировавших в себе жар солнца, нахлынувшая внезапно грусть усиливается предчувствием драматического конца. В мимолетном счастливом танце Дездемона-Цигнадзе подобна невесомой пушинке, парящей в воздухе, следом за ней с ослепительной улыбкой в

грузинском танце плавно несется смолисто-черный Отелло, излучающий нежность. (Только ли грузину доступно переживание этой сцены?! – Слезинка блеснула в глазах мальчугана-зрителя).

Как гром среди ясного неба, несчастья обрушились на голову гения с постановкой балета «Гамлет» (1971 г.), где не один из высокопоставленных чиновников узнал себя в преступных деяниях шекспировских героев. Все титулы, награды и т.п. были у него отняты, он был опозорен, изгнан из театра, и сверх того, обвинен в поджоге оперного театра.

По-христиански мужественно принял он все удары жизни:

«Ну что ж, одной заботой

боле,

Одной слезой река полней...»

Александр Блок

В творчестве Вахтанга Чабукиани проявляется также мистическая сторона Аполлона-прорицателя, предопределяемая его зодиакальным знаком, спасшая его в период репрессий, когда, забыв о существовании недостойных современников, он создавал либретто и партитуры уникальной хореографии к балетам: «Гамлет», «Фауст», «Евангелие» др. Вербальные тексты «Гамлета» и «Фауста» Вахтанг Чабукиани с его пиететом к великим поэтическим и духовным творениям человечества дерзнул спроецировать в визуальную сферу балетной хореографии.

Несколько слов о шекспировских героях Отелло (Чабукиани) и Гамлете (Чабукиани).

В отличие от Гамлета по-детски доверчивый Отелло – жертва интриги – на мгновение озаренный невинностью Демонами, могучей рукой вздымает клеветника в воздух, чтобы задушить его, но сраженный вулканически вспыхнувшей в нем ревностью, падает в обмороке навзничь. Чудовищно торжество Яго (Кикалеишвили), в дьявольски изломанном арабеске застывшего на груди Отелло. Чабукиани-принц датский, одер-

жим святой мстостью, – в сомнамбулической пластике танца, на фоне беззвучной музыки и зловещих силуэтов лиц королевского двора, прежде – безоблачно счастливый, влюбленный, ныне – печальный, суровый мыслитель. Сцена в фехтовальном зале разрешена балетмейстером блестяще. Слабеющий от удара отравленной шпаги, Гамлет, мстящий за отца, а теперь и за себя, обретает титаническую энергию – и в ахиллесовом прыжке огненным мечом поражает убийцу своего отца. Так, при виде гадюки взбешенная невинная овца, молниеносно набрасывается на ядоносную тварь и затапывает ее своими острыми копытами в землю. А ведь суд агнца – Божий суд! Такова, несомненно, и благословенная Шекспиром, и Чабукиани-Гамлетом святая расправа со злом.

Чабукиани планировал создать трехактный балет в качестве передышки после напряженных собственных балетов-трагедий: «В первом акте я отдаю дань романтическому балету – что-то вроде подводного царства с ундинами, сирфидами, сказочными существами. Второй акт: балет в стиле модерн. Сцену я вижу покрытой зеленым сукном, как игровой стол в казино. Соответственно и персонажи. Жизнь – игра... Третий акт – апофеоз классики... Вся хореография у меня готова. Все комбинации, прыжки, пируэты сами приходят и наполняют меня. Главное – выстроить спектакль, чтобы он что-то говорил людям, вел к добру, к гармонии. А потом... Это может показаться дерзким намерением... Но это меня волнует... Потом, под конец, я хочу обратиться к «Евангелию»... Я это вижу...» (из статьи А. Маргвелашвили).

Чабукиани не было суждено лично реализовать свои планы, как в свое время Достоевскому, под конец жизни наметившему написать роман «Христос и баррикады» и др. Но справедливость восторжествовала. В 1990 г. с триумфом отмечался 80-летний юбилей Вахтанга Ча-

Вахтанг Чабукиани

букиани, в Тбилиси – в Государственном театре оперы и балета, в Москве – в Большом театре и в Санкт-Петербурге – в Мариинском театре оперы и балета. В 2010 г. 100-летию со дня рождения Чабукиани был посвящен гала-концерт в Концертном зале (Тбилиси, 24 октября 2010 г.) с участием гостей из Лондона, Испании, США, Москвы, Санкт-Петербурга и кордебалета тбилисского театра, детского хореографического ансамбля «Шеджибри» и Национального балета Сухишвили. Ученики Чабукиани, рассеянные по континентам, как солнечные блики отражают в своем творчестве магию танца Чабукиани, танца наивысшей красоты (И. Зеленский, Д. Махатели, Н. Цискаридзе, Н. Анишвили, И. Ниорадзе, Л. Канделаки, И. Абулашвили, И. Дanelia, Д. Кузнецов, В. Ахметели, братья Хозашвили и многие др.).

Парфразируя гомеровский экстаический восторг героем «Илиады», Ахиллесом, можно воскликнуть: Нет и не может быть в балете чародея большего, чем Чабукиани!

ГУЛЯЕМ МАСЛЕНИЦУ!

■ **Георгий БАРХО**

Вы спросите, где русско-му человеку в Грузии на Масленице погулять? И не только русскому, ведь в Грузии живет много представителей других славянских национальностей – украинцы, белорусы, поляки. Да и встреча весны у нас в Грузии – это скорее формальность, ведь нет ни русских снегопадов, ни трескучих морозов.

Однако Масленицу встречают, гуляют, сжигают чучело, пекут блины, да не сотнями, а тысячами, варят сбитень и наряжаются в народные костюмы в Рустави, который уже несколько лет является центром русской Масленицы в Грузии.

В этом году проводы Масленицы пришлось на 17 февраля. В субботу в Центральном руставском парке было многолюдно и весело – соотечественники гуляли Масленицу!

Организаторы праздника – русское общество Грузии «Родник» и театральная студия «Зеркало» при поддержке Координационного Совета организаций российских соотечественников Грузии, Муниципалитета г. Рустави и Секции интересов РФ при Посольстве Швейцарии в Грузии.

Специальными гостями праздника были диаспоры, ко-

торые накрыли столы с атрибутами национальной культуры: блюдами, посудой, текстилем и украшениями. Все желающие могли попробовать немецкие клецки, азербайджанскую шакер-буру, приобрести армянские украшения и белорусский текстиль.

Специально к празднику художники «Родника» изготовили тантамареску с забавными масленичными персонажами, предоставили на радость детям игру-состязание «Снежный тир», поставили большую матрешку из папье-маше и самую настоящую русскую прялку! Эти фотозоны не остались без внимания, все гости делали на память снимки, которые в тот же день разлетелись по интернету.

В большой палатке посреди площади безостановочно пеклись блины, их было четыре вида: с сельдью, с творогом, со сметаной и с джемом. В общей сложности к празднику напекли 2300 блинов, разложили по порциям 12 кг сметаны и 9 кг варенья, а уж сбитень и чай лились литрами.

Гвоздем программы стала живая выставка национальных костюмов Анны Кузнецовой. Гости делали фото на память с царем Иоанном и его царицей,

рядом можно было увидеть грузинского князя и японскую гейшу. Были представлены грузинский, азербайджанский, немецкий и русский национальные наряды.

«Это было феерично!» – сказал председатель Департамента по делам молодежи, спорта и культурной политики руставского Муниципалитета Коте Малания.

Координатор совета национальных меньшинств тбилисского Сакребуло Маргарита Хидирбегишвили высоко оценила организацию масштабного мероприятия, а Исполнительный секретарь КСОРСГ Александр Беженцев отметил, что руставцы остаются лучшими в проведении русской Масленицы в Грузии.

В конце праздника, по традиции, сожгли большое масленичное чучело!

На гастролях в Японии. 1926

ДРУЖБА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

■ **Берта ИВАНИЦКАЯ**

Из воспоминаний

Моя мать Елена Васильевна Баронкина окончила московскую консерваторию по классу Варвары Михайловны Зарудной. М. Ипполитов-Иванов в то время был директором консерватории. Это были 1906-1910 гг. Я знаю, что Варвара Михайловна и мама очень любили друг друга, и эту любовь мама сохранила на всю жизнь.

Уже будучи оперной певицей и работая в различных оперных театрах, мама, когда заканчивала сезон, всегда, приезжая в Москву, останавливалась у Ипполитовых. Долгие годы, до самой смерти Михаила Михайловича их связывала большая дружба. Это

нашло свое отражение в дарственной надписи композитора на посвященном ей произведении «5 японских песен»: «Любимому существу Лялечке в день ангела М.М. Ипполитов-Иванов, 1 июня 1928 года, Москва».

Первое мое знакомство с Михаилом Михайловичем и Варварой Михайловной состоялось в 1924 году. М.М. Ипполитов-Иванов был приглашен в Тбилиси на должность директора консерватории. Воспоминаний об этом периоде их жизни в памяти моей почти не сохранилось, так как я тогда была маленькой девочкой. Помню, что М.М. заболел воспалением легких, и мама очень

беспокоилась и все время находилась у них. Вылечил его очень хороший врач Илья Зурабович Копадзе, которому они были всегда благодарны и переписывались с ним. Жили Ипполитовы в здании 2-ой консерватории по ул. Дзержинского (сейчас в этом здании находится один из отделов Академии наук). Помню, что мама была счастлива, что В.М. и М.М. приехали в Тбилиси. Ну и, конечно, они бывали у нас.

Грузию М.М. обожал, это известно всем. У него было просто какое-то трогательное отношение ко всему грузинскому, в чем бы это ни выражалось. Например, тогда нельзя было выписать газету «Заря Востока» через Москву: мы выписывали в Тбилиси по настоятельной просьбе М.М. и В.М., которым очень нравилась эта газета, и высылали ее в Москву. Ну, разумеется, к этому добавлялись различные восточные сладости, в семье Ипполитовых их очень любили. Мама часто посылала в Москву фрукты и сладости, а последний раз послала в мае 1939 года ко дню рождения В.М., который всегда отмечался ее домочадцами и друзьями. Вот что писал по этому поводу друг семьи

Михаил Ипполитов-Иванов

Валериан Михайлович Гаитинов:

«Я по традиции семьи Ипполитовых собирал тот небольшой, но симпатичный кружок знакомых дорогих мне покойников, который собирался при их жизни. Конечно, в смысле качества угощение сократилось, и на этот раз не было ничего приготовлено сладенького, и наши дамы Корретти Арле-Тиц и Маня Мирзоева немного грустно на меня взглядывали, но когда была вскрыта посылка и обнаружился дивный чернослив с начинкой, взрыв одобрения огласил нашу столовую, и мы с криком «Ура!» отдали должное очень вкусенькому сладенькому. Большое спасибо. Кука при этом сказал: «Никто, кроме Елены Васильевны, не умеет выбрать самое хорошее, что можно сыскать».

Первый мой приезд в Москву в семью Ипполитовых относится к 1926 году. Мама тогда была приглашена на сезон в Японию (по инициативе КВЖД в Токио была организована первая в Японии русская опера и приглашены оперные артисты из разных городов). Я поехала проводить ее до Москвы и погостила вместе с ней немного у Ипполитовых.

Я в то время занималась в музыкальном училище по классу

фортепиано, и Михаил Михайлович, как говорится, благословил меня на путь музыканта, подарив свою книгу «Учение об аккордах» с дарственной надписью: «Милая Бибка, учи твердо и крепко! М. Ипполитов-Иванов. 29 сентября 27 г.»

Я побывала немного в Москве, проводила маму и уехала.

Второй мой приезд в Москву относится к 1928 году. Мама была приглашена на сезон в Ташкент и приехала раньше на месяц, чтобы побыть у Ипполитовых. Она взяла меня с собой на сезон в Ташкент. Сезон открывался в октябре, и мы месяц могли погостить у Ипполитовых. Хочу поделиться своими воспоминаниями прежде всего об укладе жизни в семье Ипполитовых и об отдельных эпизодах, которые я запомнила, живя у них.

К моей великой радости Михаил Михайлович к концу сезона в одном из писем к маме просил прислать меня к ним еще погостить, так как мама собиралась уехать в гастрольную поездку. Вскоре М.М. прислал телеграмму, как всегда, со свойственным ему теплым юмором: «Пришли те ребенка наложным платожом». И в апреле я уже приехала самостоятельно в Москву, где и пробыла два месяца. Все это время я была непрерывно опекаема самим Михаилом Михайловичем, очень трогательно и заботливо ко мне относящимся. Я ходила с ним в театр на те оперы, которыми он дирижировал. Об этом я постараюсь написать подробнее.

Уклад жизни семьи Ипполитовых был особенный. Они, выражаясь тривиально, жили вне времени и пространства, особенно Варвара Михайловна. С ними вместе жили родственники и близкие друзья: брат Варвары Михайловны Николай Михайлович Зарудный (в прошлом известный адвокат), его племянник Андрей (сын его свояченицы В.А. Бабаниной), большой друг семьи Анна Акимовна и дальний родственник и тоже большой друг семьи Ипполитовых отставной генерал Валериан Михайлович Гаитинов. Обычно гостило еще много народу. Я помню и Александру Акимовну (ученицу Варвары Михайловны, солистку хора Большого театра).

Занимали Ипполитовы половину нижнего этажа консерватории – комнат семь-восемь. В гостиной, так называемом бенефисном зале, стоял рояль и, по моему, еще физгармония. Здесь же стояло несколько шкафов с бенефисными вещами, адресами, серебряными вазами и другими подношениями. Я их не рассматривала, потому что не могла рискнуть попросить, чтобы специально для меня открыли шкафы. Над диваном висел колоссальный портрет Римского-Корсакова с его очень большой и трогательной надписью Михаилу Михайловичу – своему ученику. Содержания надписи я, конечно, не могу передать, не помню, хотя и часто, лежа на диване, читала ее. Портрет был в бронзовой раме, очень тяжелый, и я, засыпая, всегда беспокоилась, не обрушится ли он на меня. Напротив, на другой стене, у рояля висел портрет Чайковского, тоже очень большой, по-моему, во весь рост, в черной раме и тоже с очень длинной дарственной надписью, не знаю Михаилу Михайловичу или Варваре Михайловне.

Из гостиной дверь вела в кабинет М.М. Ипполитова-Иванова, в который я никогда не заходила. В небольшой спальне Варвары Михайловны стояли огромная деревянная кровать, письменный стол и кругом лежала масса нот, бумаг и газет. Варвара Михайловна прекрасно владела несколькими языками и делала переводы целых опер, романсов с итальянского, французского, английского. Она вела обширную переписку со своими друзьями и бывшими учениками. Вставала она часа в три дня, кофе пила у себя в спальне, а к обеду выходила (иногда и не выходила совсем) в длинном тафтовом платье, с парчевой повязкой на голове.

В столовой, не очень большой, уютной, темноватой комнате, стояли длинный старинный стол и стулья с высокими спинками и кожаными сиденьями, большой черный кожаный диван и кресла. Из столовой одна дверь вела в гостиную, другая – в переднюю, в которой висело зеркало, а может быть, стояло трюмо, и висел на стене телефон. Выход из передней был на Среднюю Кисловку. Другая дверь из столовой вела в длинную переднюю с вы-

Елена Баронкина

ходом в вестибюль консерватории. В стене передней, с правой стороны, было углубление для хозяйственного лифта, на котором поднимались блюда с кушаньями из кухни. Кухня представляла собой особое царство где-то внизу, в подвальном помещении – целых три комнаты: в одной – сама кухня с колоссальной плитой и всякой кухонной утварью, в двух остальных жила кухарка Катя с мужем и маленькими детьми. В доме была еще молодая горничная, которая подавала на стол и убирала.

Возле Варвары Михайловны неотлучно находилась ее близкая ученица Анна Акимовна, о которой я уже упоминала, она считалась как бы членом семьи Ипполитовых. Ее сестра – Александра Акимовна, в ту пору уже немолодая, рыхлая, тоже ежедневно бывала у Ипполитовых. Говорили, что у нее когда-то был хороший голос. Связь Варвары Михайловны с ее бывшими учениками никогда не прерывалась. Неимущим она посылала ежемесячно в разные концы страны «супсидию». У нее был длинный список нуждающихся, больных и не очень хорошо устроенных

бывших учениц, которым она всю жизнь помогала. Брат Варвары Михайловны Николай занимал отдельную комнату, вернее, черный кожаный кабинет с выходом в маленькую переднюю, из которой двери вели: одна в комнату Николая Михайловича, другая – Валериана Михайловича Гаитинова.

Николай Михайлович Зарудный – уже тогда очень пожилой, болезненный, с аристократической внешностью, помню, в пенсне, высокий, прихрамывающий, опирающийся на палку с набалдашником, никогда к общему столу не выходил, обедая у себя в кабинете. В его комнате часто ночевал племянник Андрей Бабанин – сын его свояченицы Анны Алексеевны, концертмейстера эстрады. Николай Михайлович был в разводе со своей женой Верой Алексеевной, тоже работавшей концертмейстером и даже некоторое время в классе у Антонины Васильевны Неждановой, когда та только начинала свою педагогическую деятельность.

Андрей Бабанин, дома его называли Кука, был солистом балета в оперном театре не то в Киеве, не то в Харькове (позже он работал в Тбилисской опере), но когда я жила там, он работал на эстраде и был партнером Екатерины Васильевны Гельцер, которая в ту пору уже не танцевала в Большом театре, а разъезжала по городам страны, создав свой ансамбль. В этом же ансамбле принимал участие молодой Давид Ойстрах. Кука как-то говорил при мне Михаилу Михайловичу о том, какой талантливый Давид Ойстрах, каким большим успехом он пользовался у публики и показывал фотографии, на которых сняты были Гельцер, Кука и Ойстрах, очень юный, в апаше и тубетейке.

Потом, в годы войны, когда Ойстрах уже был знаменит и приезжал в Тбилиси с Л. Обориным на концерты, мы встретились как-то у одной нашей общей знакомой на обеде, на который я была приглашена с мамой. Тогда я рассказала Давиду Федоровичу о том, что слышала от Куки о его совместных поездках с Гельцер, и он с удовольствием вспоминал об этих гастролях.

Е.В. Гельцер, это было в по-

следние годы, была очень рассеяна и всегда забывала, куда положила свои вещи, и в день несколько раз звонила по этому поводу Ипполитовым. Один раз я подошла к телефону, Куки дома не было, и она просила передать, чтобы он немедленно ей позвонил, так как она не помнит, куда положила свою брошь. Когда Кука пришел и я ему передала ее слова, он сказал, что это очень дорогая изумрудная брошь, подаренная московским купечеством на одном из ее бенефисов, и положила она ее в секретер. Михаил Михайлович всегда потешался при каждом тревожном звонке Гельцер.

В квартире Ипполитовых был еще большой зал со сценой, на которой всегда стояла прялка из второго акта «Фауста». В этом зале Варвара Михайловна устраивала домашние спектакли, которые очень любила. В то время она уже не преподавала в консерватории, а занималась дома и ставила оперы с участием своих учеников. Я не присутствовала на этих спектаклях и не могу назвать их участников. В числе зрителей, как мне рассказывали, кроме домочадцев, бывали приглашенные друзья и музыканты.

В подготовке одного из спектаклей принимала участие мама. Варвара Михайловна хотела, что-

Варвара Зарудная

бы костюмы к опере «Снегурочка» были свежими и оригинальными, специально сшитыми к этому спектаклю. Мама не умела шить, но обладала большим вкусом и рисовала эскизы к своим костюмам. Она хотела доставить Варваре Михайловне удовольствие и попробовала сшить сапожки для Снегурочки, расшить сарафаны и кокошники и разрисовать рубаху для Леля. Этими костюмами Варвара Михайловна очень дорожила, берегла их в отдельном шкафу, на котором под стеклом была надпись «Костюмы сшиты Е.В. Баронкиной». Когда я приезжала к Варваре Михайловне уже после смерти Михаила Михайловича, она мне с любовью рассказывала и показывала, какие чудесные костюмы сшила Леля к «Снегурочке».

Мне хочется рассказать еще об одной значительной фигуре в доме Ипполитовых. Я уже упоминала о нем – это отставной генерал Валериян Михайлович Гаитинов, который был не то дальним родственником, не то просто очень близким другом Ипполитовых. Было ему тогда более семидесяти лет. Помню его колоритную внешность, его прерывистый старческий смех. Был он высокого роста, полный, с крутой седой головой, отвисшими щеками и губами, красноватыми отеками глазами и широким носом, прорезанным синими жилками. Носил он черный френч, галифе и сапоги на высоких каблуках, хотя был высокого роста, ходил мелкими быстрыми шажками и как-то, где было возможно, прищелкивал каблуками.

У Валериана Михайловича был бульдог, звали его «Маймун», что на Кавказе означает «обезьяна». Хозяин очень любил собаку, возился с нею. Собака была старой и с такими же отвислыми щеками, и я, грешным делом, находила между ними большое сходство.

Валериан Михайлович был душой дома и всячески старался все заботы по хозяйству взять на себя, делая дополнительные хозяйственные покупки (в основном закупала все кухарка Катя). А Варвара Михайловна хозяйством не занималась. Хозяйством занималась Мария Михайловна – сестра Варвары Михайловны. Валериан Михай-

лович очень переживал, что делается все не так, как полагалось бы. Помню, как перед обедом он гулял вокруг стола и следил, чтобы все приборы и все стояло на месте. Перед прибором Варвары Михайловны стоял ее собственный судочек для уксуса и прованского масла, рядом лежала деревянная ложка в оправе и всегда стояла возле ее прибора маленькая вазочка, куда Михаил Михайлович, приходя из театра, с репетиции, ставил принесенные для нее цветы.

Валериан Михайлович был очень ворчливый, брюзжал по всякому поводу. И если когонибудь невзлюбил, то даже не старался скрыть своего недружелюбного отношения, бросал резкое словечко или острую шутку, ну, скажем, гостю нельзя было позавидовать.

У Ипполитовых были фиксированные дни – среды, пятницы, четверги, а, по-моему, все дни недели, в которые бывали те или иные друзья или близкие знакомые, и дом наполнялся гостями.

По средам или по пятницам к обеду приходила к Ипполитовым худенькая, уже очень пожилая дама с сильно подкрашенным маленьким личиком, с куделечками крашенных волос и острым носиком. Она старалась как-то дать почувствовать себя близкой семье Ипполитовых. Это выражалось в том, что она немедленно включалась в ритуал накрывания стола к обеду, чем приводила Валериана Михайловича в неистовство.

Михаил Михайлович, наоборот, когда приходил к обеду, очень почтительно целовал у нее руку и вел с ней учтивую беседу.

Я никак не решалась спросить, кто она, а через некоторое время, когда приехала мама, я узнала, что это была знаменитая певица Елена Яковлевна Цветкова, исполнявшая в опере Чайковского «Орлеанская дева» партию Иоанны д'Арк.

Большим другом семьи был директор музея Чайковского в Клину Николай Тимофеевич Жегин. Помню, он приезжал из Клина в сапогах и какой-то поддевке. Он всегда рассказывал Михаилу Михайловичу о своих делах, советовался с ним, он мог прийти поздно вечером, что было не всем доступно. Михаил Михайло-

Берта Иваницкая

вич принимал большое участие в жизни музея и всячески содействовал обогащению его новыми материалами. Жегин всегда усиленно приглашал всех приехать в Клин, особенно тех, кто там никогда не был. Я очень хотела поехать, и Михаил Михайлович собирался со мной, но, видимо, что-то помешало и наша поездка не состоялась.

Из любимых учениц и друзей, которые как бы считались членами семьи Ипполитовых, были певица Корретти Генриховна Арле-Тиц и Мария Михайловна Мирзоева, профессор Московской консерватории, которую Варвара Михайловна нежно называла Манон.

Мария Мирзоева была любимой ученицей Варвары Михайловны. Услышать ее пение мне не пришлось, но Варвара Михайловна говорила, что у нее прелестный голос. Я слышала ее только как пианистку, когда она приезжала в Тбилиси с концертами вместе с Анатолием Доли-во, которому аккомпанировала. Все, кто слышал эти концерты, не могут забыть полученного ими колоссального эстетического наслаждения.

Окончание следует

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР СОВРЕМЕНИК

დიდი გასტროლები
ბრიზოვოდოვის თეატრის სცენაზე
БОЛЬШИЕ ГАСТРОЛИ
НА СЦЕНЕ ТЕАТРА ГРИБОЕДОВА

ე.მ. რემარკი
Э.М. Ремарк

**ТРИ
ТОВАРИЦА
სამი
კომპანი**

2018

16.05
17.05

www.griboedovtheatre.ge

სამსახურო ხელმძღვანელი
ბალინა ვოლჩეკი

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
ГАЛИНА ВОЛЧЕК

А.П. Чехов
ა. ჩეხოვი

**ВИШНЕВЫЙ
САД
ალუბლის
ბაღი**

2018

19.05
20.05

www.griboedovtheatre.ge

Фото Александра СВАТИКОВА